

В Вихре Времён

РЕВАНШИСТ

Цвет сакуры —
красный

Борис ОРЛОВ

В вихре времен

Борис Орлов

**Реваншист. Цвет
сакуры – красный**

«Махров»

2019

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Орлов Б. Л.

Реваншист. Цвет сакуры – красный / Б. Л. Орлов — «Махров»,
2019 — (В вихре времен)

ISBN 978-5-00155-077-8

Отец и сын Волковы, инженер-химик и студент старшего курса из-за ошибки загадочных экспериментаторов перенеслись почти на сто лет назад. Они отлично помнят прошлое России, они готовы помочь: предотвратить, устранить, отбросить все плохое, что было в истории родной страны, а хорошему помочь, развить, ускорить... Но что делать, если известные события не произошли, а новые удивляют своей необычностью? Если всё пошло не так, то знания пришельцев из будущего не нужны, или все же что-то можно использовать? Волковы не опустили руки, они вырастают в эту новую и непредсказуемую жизнь. Они впрягаются в работу, применяя на деле все, что может оказаться полезным для России. Ну, а если для блага Отечества потребуется стоять до конца в неравном бою, броситься с гранатой под танк или с голыми руками пойти в рукопашную – они готовы! Ведь Родина во все времена одна!

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00155-077-8

© Орлов Б. Л., 2019
© Махров, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	36
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Борис Львович Орлов

Реваншист. Цвет сакуры – красный

Страшны их бессильные проклятья

Солнцу наступающего дня.

А. Вертинский

© Орлов Б.Л., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

Пролог

Беспорядочно хлопали китайские винтовки, но вдруг их суетливую трескотню пререзал злобный рык пулемёта. Красноармеец Исиро Танака с уважением скосил глаза на своего командира и друга, первого номера пулемётного расчёта, командира отделения¹ Ворокофу. Его фамилия произносилась не так, но Исиро – не береговая обезьяна и не умеет произносить это свистящее «л» и эти странные согласные без гласных. Впрочем, Ворокофу не обижается. Ведь главное в человеке совсем не язык и не произношение. Главное – верность долгу, верность дружбе, верность великим принципам Маркса, Ленина, Сталина и, конечно же, Божественного Красного Императора, чья мудрость озаряет и Японию, и Советский Союз, и весь мир!

Белокитайские собаки, очухавшись после пулемётной очереди, снова открыли яростный, но бестолковый огонь: Сева-сан нашёл замечательное укрытие – глубокую ложбинку, которую они ещё углубили в две сапёрные лопатки. Так что теперь...

В этот момент прямо по гребню каски Танака с противным «дзюр-р-р-р» чиркнула пуля. Исиро невольно поёжился и тут же снова глянул на своего друга и старшего товарища: не заметил ли Сева-сан, что ему так страшно? Кажется, не заметил. «Хочу быть убитым. Хочу быть убитым», – зашептал Танака про себя. Конечно, верить во всякие приметы и наговоры недостойно члена КИМа, но ведь все знают, что судьба никогда не выполняет желаний человека. Так что, если просить её о смерти – останешься жив. Этому несложному трюку Исиро научил старый одноногий милиционер из его деревни. Он потерял ногу ещё под Порт-Артуром, когда подлый русский царь стравил два братских народа в бессмысленной войне, и безумные империалистические генералы с обеих сторон гнали своих обманутых солдат на бойню. Впрочем, уже тогда Божественный Император помогал русским революционерам. И русские братья вернули этот долг: когда в Японии начались коммунистические выступления, именно русские посылали Партии деньги и переправляли оружие. А когда коммунистов возглавил сам Божественный Красный Император...

Исиро задумался, а руки его машинально наполняли патронами пулемётный диск. Ведь это будет плохо и подло, если Сева-сан протянет руку за новым магазином, а у второго номера не окажется наполненного патронами диска. Сержант Ворокофу ничего не скажет, только выругается, но Исиро сам не готов подвести товарища. Тем более такого товарища!

Ворокофу ничего не боится. Ещё бы! Он сам рассказывал как-то, что его уважаемый отец прошёл три войны! ТРИ!!! Разве может сын такого отца бояться каких-то там китайских бандитов, этих проклятых мандаринов? Не может! Ясно, что такой уважаемый отец воспитал сына настоящим воином. И теперь Сева-сан бестрепетно смотрит в лицо смерти, несущейся в него на китайских пулях.

Исиро так не может, потому что отец воспитывал его простым крестьянином. А сам он за всю свою жизнь до самой службы в армии ничего такого не совершил. Ну схватывался несколько раз с жандармами и один раз даже убил одного из них. Не зря ведь он занимался в коммунистической школе карате. Но только одно дело – ударом ноги убить, другое – вот так лежать и спокойно стрелять под пулями китайских собак...

Исиро решительно приподнялся из ложбинки и быстро огляделся. Он тоже должен быть храбрым, как его лучший друг Сева-сан...

¹ До введения в 1935 году личных званий в РККА должностное звание, примерно соответствующее сержантской должности.

* * *

...Господи! Страшно-то как! Отчаянно давя на спуск – от грохота «дегтяря» закладывает уши. Странно, ведь в армии кажись, из пулемёта настрелялся от души, и хорошо помню – от того, правильного, звука в ушах не звенело. Удивительно, патроны-то одинаковые, а вот поди ж ты! А-а, чёрт! Аж зубы сводит от этого грохота!

Если бы мне кто три года тому назад сказал, что я окажусь в Маньчжурии и вместе с японцами буду отстреливать китайцев, – не, даже не смеялся бы. Просто вызвал бы такому скорбному головушкой ангелов в белых халатах, да сам же душевно и попросил бы работников Минздрава потщательнее этого бедолагу из запоя выводить. Потому как ничего другого, кроме запоя, это быть не может: такое даже для шизы крутовато. Но вот же ж гадство: лежу сейчас на пузе, вжимаюсь в землю маньчжурскую и отчаянно пытаюсь нащупать очередного китаёза. И нащупаю, разумеется.

Только бы не показать своему второму номеру – симпатичному парню Исиро Танака, насколько мне страшно. Японец, понятно, ни черта не боится. Ну так! Мало того что он – японец, так ведь ещё рассказывал, как в двадцать седьмом участвовал в боях с полицией. Ничего так себе бои: на них – с винтовками и револьверами, а они – с голыми руками. Нормально, да? Нет, их там в школах карате коммунисты поднакатали, но все равно. «Распрыгались кузнечики, с голой пяткой – против шашки», – как говаривал Василий Иванович...

Сюда бы папаню. Нет, не в том смысле, что я желаю ему зла – наоборот: добра и только добра! Отца я люблю. Как умею, понятно, но зато честно и искренне. Просто отец здесь оказался бы в привычной обстановке: он в своё время повоевал много и всерьёз. Ещё во время срочной службы в Советской армии угодил в Афганистан, а потом ухитрился дважды побывать добровольцем. В Приднестровье и в Югославии. И воевал там умело и хорошо. Так, что враги не жаловались. Вернее, наоборот, жаловались... Тьфу ты, запутался! Но, во всяком случае, на отдых в Хорватию мы с ним никогда не ездили, потому как его там ждал суд и то ли тюрьма, то ли просто взвод возле стенки. Или верёвка с петелькой. Сильно на него хорваты обиделись. Впрочем, как и словенцы с боснийцами. Так что ему бы там уж точно не понравилось. А вот тут он был бы в своей среде. По крайней мере, мне так кажется. А вот мне тут совсем не нравится! Хотя я тоже срочную на Кавказе служил и кое-чего повидал...

Э-эх, опять эти белокитайцы задёргались. Ну-ка, молодчики, давайте-ка поближе... Во, вот так! Ну-с...

* * *

Пулемёт выдал длинную, на полдиска, очередь. Несколько китайцев ткнулись лицами в сухую глинистую землю. Исиро Танака и Всеволод Волков переглянулись, и вновь каждый позавидовал отваге и смелости товарища...

Часть первая

Робинзоны Советской России

Чтоб ты жил в эпоху перемен!
Конфуций

Глава 1

Охота – это когда всем охота!
А когда неохота – какая же это охота?
Старый анекдот

– О боже!

Всеволод Волков тяжело приподнялся на постели и со стоном завалился назад. Завозился, отчаянно пытаясь найти такое положение, при котором голова будет болеть меньше. Не нашёл и бросил в пространство риторический вопрос:

– Ну вот почему если вчера было очень хорошо, то с утра обязательно будет очень плохо? И даже ещё хуже!

– Что, мелкий? Молодо-зелено?

Это над ним наклонился отец. «Ну ещё бы, – подумал Всеволод. – Что этому бугаю делается?» Парень с трудом разлепил глаза. Разумеется! Отец выглядит так, словно бы вчера и не пил ничего крепче кефира или кваса. Ну на самый край – лёгкое столовое вино, в котором и градусов-то почти нет. И как с ним тягаться? Хотя соревнование было явно нечестным: Волков-старший вчера первый раз вон за сколько времени выпил, а Всеволод, между прочим, уже почти месяц гуливанил. Как из армии вернулся, так и пошло-поехало...

Охая и тихонько матерясь, с трудом волоча заплетающиеся ноги, поминутно хватаясь за стены, парень добрался до ванной.

– Ё...! Это что, я?

Из зеркала на Волкова-младшего смотрела помятая физиономия натурально зелёного цвета. Так вот почему отец выдал это «молодо-зелено»... М-да... Надо было вчера соображать, с кем пьёшь. Папанины друзья – нет, они, конечно, очень хорошие и интересные люди, и поводить успели, и вообще, но пить с ними водку – ой, мама! Даже под ту замечательную закуску, которой у них всегда уставлен весь стол. Не стоило с ними состязаться в умении пить. Как, наверное, не стоило бы состязаться с ними и в умении стрелять, например. Или бить морды. Или гнать блиц-допрос. Не стоит, потому что у папани и его друзей другая школа. Совсем другая...

– Уф-ф-ф-ф! А-а-а-а!

Всеволод сунул голову под струю холодной воды. Помогло, но не очень, а потому парень разделся и залез под холодный душ. Ага, вот так-то лучше...

– Папаня! Папаня-а-а!

– Чего тебе, дитятко?

– Я больше не пью!

– Молодец! Пей меньше, а то на тебя с утра смотреть страшно, – хохотнул Волков-старший. – Только если ты пить закончил, то не соблаговолишь ли ты мне поведать: чем же ты конкретно собираешься заниматься остаток июля и весь август? Если я правильно помню, то занятия в институте у тебя начинаются в сентябре, так?

– Ну я это... – Всеволод задумался, заодно сунув в рот зубную щётку. Прополоскал рот, а затем спросил: – Бать, а у тебя когда отпуск?

– Чего?

Отец молчал, и с кухни доносилось только аппетитное шипенье жарящейся яичницы. Сын уже подумал, что тот не расслышал вопроса, и собрался повторить, когда отец очень спокойно ответил:

– Отпуск у меня в августе. Но, честно говоря, я не думал, что ты соберёшься со мной, стариком, болтаться.

Парень хмыкнул: отец явно рисовался и не хотел показывать, насколько он доволен. Волков-старший сына любил, а после того, как овдовел, так и вовсе стал парню и отцом, и матерью, и старшим братом, и лучшим другом.

– Я уже от своих друзей-приятелей охреневать начал, а вчера с твоими друзьями вовсе думал, что богу душу отдам, – сообщил Всеволод-младший. – Я вот чего подумал: может, на охоту смотаемся?

Он хотел сказать ещё добавить, что ему все два года службы больше всего хотелось посидеть у костра плечом к плечу с отцом. Просто помолчать... или не молчать. Или вот ещё послушать рассказы отца о былом. Папаня в молодости погулял крепко – вон, даже его умудрился ещё во время службы в армии зачать. Лежал в госпитале, в который угодил с тяжелой контузией – подарочком от афганских духов. А когда подочухался – здравствуйте вам! Познакомился с местной девчонкой – не азиаткой, а вполне себе русской – и ухнул по самую маковку в любовный омут. Чуть ли не на третий день предложение сделал, благосклонно принятое, – вот и получился Севка. Папаня на дембель – а ему тут и подарочек. Сын. Наследник...

Но в этот самый момент затрезвонил мобильник, и волей-неволей пришлось шлёпать в комнату, а там объясняться со старым школьным приятелем. И обидеть не хочется, и встречаться – тоже. Так что, придумывая объяснения, Всеволод с трудом выпцарапался из похмелья. А потом, окончательно отказавшись от встречи, он потопал на кухню. Тут же перед ним на стол шлёпнулась маленькая чугунная сковорода, на которой исходила душистым паром крепко наперченная яичница с хрустящими шкварками.

– Лопай, – скомандовал Волков-старший. – Сейчас ещё чайку покрепче да погорячей – совсем очухаешься.

Он снял с плиты вторую сковороду и принялся за еду. Некоторое время Волковы молча жевали, прихлёбывая чай.

– На охоту, стало быть? – спросил отец, закуривая после завтрака. – Ну давай. В Карелию махнём?

* * *

...По дороге бойко катил старенький, но ухоженный форд «Бронко». Отец и сын Волковы ехали в Карелию, торопясь к открытию сезона утиной охоты. В последний момент отец едва-едва не пролетел с отпуском: на заводе, где старший Волков был начальником производства, случился пожар. Но последствия удалось ликвидировать в рекордно короткие сроки – сын примерно представлял себе, как именно его отец добивался от своих подчинённых ударной работы! – и вот, долгожданный отдых в карельских лесах.

– Жаль, собаки у нас нет, – заметил сын. – Придётся только с подхода, да по болотам пошарить... Папань, – он повернулся к отцу, – ну сколько лет уже, как Клин помер? Ну давай нового пса заведём, а?

– Ты, давай, за дорогой следи, – огрызнулся Волков-старший. – Заведи себе машину и вертись в ней за рулём сколько душе угодно, а мне моя «лошадка»² дорога. Хотя бы и как память.

Парень только вздохнул: вот в этом весь отец. Привязывается к людям или вещам так, что потом никак не может успокоиться. Потому, наверное, больше и не женился, когда мама... когда у неё тромб... Словом, когда её не стало. И собаку новую заводить не хочет, потому что Клин для него был и не собака вовсе, а полноправный член семьи. Тут он вдруг подумал: а как это будет, когда он, Севка-младший, надумает создать свою семью? Отец, он что – один останется? Совсем?

Словно бы в унисон его мыслям завопил мобильный. Младший Волков вытащил из кармана трубку, посмотрел на экран. Ну вот, пожалуйста! Анечка, чтоб её приподняло и по заднице шлёпнуло. По весьма сексуальной заднице, надо признать, но всё-таки. Кроме смазливой мордахи и довольно-таки аппетитной кормы, у девушки должно ещё что-то быть. В черепной коробке, например.

Ох, как же Анечка огорчалась, когда Сева решил пойти по стопам отца и после первого курса рванул на всех парах в военкомат. Откуда и отправился служить в Дагестан. И довелось ему и по зелёнке пошариться, и пострелять не только на стрельбище, и, между прочим, медаль Суворова, тоже не абы что. И дают её не всем подряд, а очень даже...

Как тогда Анечка убивалась, как на прободах старалась. Чуть не всю Камасутру с ним за одну ночь прошла. А на присягу не приехала. Зато теперь прямо-таки рвётся в бой. С целью создания крепкой, образцовой семьи. А ему это зачем? Кого в постель уложить, он и без неё найдёт, а о чём с ней говорить? Да и отец, хотя и молчит, а ведь кривится от перспективы заполучить такую невестку...

Телефон на секунду замолк, а потом снова разразился оглушительным воем: Сева записал на звонок сирену воздушной тревоги и ставил его на особо «приятных» абонентов.

– Чего трубку-то не берёшь? – поинтересовался Волков-старший. Он скосил глаза, мельком глянул на экран. – Ну ответь, девушка же волнуется.

– Обойдётся, – безапелляционно заявил сын. – Девушка, ага... Как ты сам любишь говорить: девушка второй свежести.

И с этими словами отключил звук.

* * *

Машину они оставили у знакомого лесника. Тот долго и настойчиво предлагал подзакусить «чем бог послал», но Волковы остались непреклонны: пить перед охотой – с гарантией вернуться пустыми. А дикая утка – штука вкусная. Безумно.

Так что застолье было решено отложить вплоть до возвращения с добычей. Тем более что лесник предупреждал: что-то беспокойно в здешних местах в последнее время. Вон, в прошлом году двое пропали... Так что отец и сын наотрез отказались даже от «стопочки за встречу» и вот уже больше трёх часов шли по заболоченному леску, приближаясь к цели своего путешествия – самому что ни на есть утиному болоту, на котором они и рассчитывали взять богатую добычу.

– Папаны, далеко ещё? – Всеволод-младший прихлопнул особо надоедливого кровососа и отёр со лба пот. – И так уже прём, точно бульдозеры бешеные...

– А во-о-он до той сушины доберёмся, – Всеволод-старший махнул рукой, указывая направление, – там и остановимся. И переночуем, и засидочку на завтра организуем, ага?

² От *англ.* bronco – полудикая лошадь.

– Ага, – без энтузиазма согласился сын. – Знаешь, если бы наша рота с тобой пару раз на охоту сходила – духам бы втрое хуже пришлось.

– Учись, Севка, пока мы ещё живы, – теперь и отец убил комара сочным шлепком. – Нас в своё время капитан Остапенко, память ему вечная, так гонял, что ой! До сих пор закалочка какая-то ещё осталась... Твою-то мать!

Последнее относилось к особо топкому месту, куда он неаккуратно наступил. Волков-старший рыкнул, пытаясь выдрать ногу, но трясина отказалась отпустить добычу безнаказанно и с чмоканьем всосала в себя сапог. Мужчина густо выматерился, вытащил сапог из липкой грязи и обернулся к сыну:

– Осторожнее давай, тут гать совсем прогнила!

Тот понятиливо кивнул, обошёл коварное место, и вскоре отец и сын уже сидели у весело потрескивающего костерка. Они вскипятили чай, с аппетитом умяли по банке консервов и несколько сухарей. В качестве десерта оба закурили, привольно откинувшись назад.

– Папаны, а ведь ты не хотел меня брать, – произнёс Сева, скорее утверждая, чем спрашивая. – Почему?

Отец помолчал, выпустил в вечерние сумерки клуб синеватого табачного дыма.

– Сдаётся мне, сын, что тебе пора и о семье подумать. В смысле, о своей собственной... – он затаился, отхлебнул дегтярно-чёрного чая. – Если ты за время службы не разучился считать ещё что-то, кроме числа дней до дембеля, то должен соображать: когда мне было двадцать – я уже тебя планировал...

– Прямо так уж и планировал, – ухмыльнулся сын. – А я от бабушки, да и от мамы слышал, что оказался перевыполнением плана.

Оба негромко рассмеялись. Но потом Волков-старший посерьёзшел.

– И всё-таки, сын. Что ты думаешь о создании семьи? Вот Анечка, например: симпатичная, тебя, по-моему, любит, на присягу к тебе ездила. И теперь от тебя не отходит...

Волков-младший щелчком послал окурок в догорающий костёр.

– Насчет «любит» – не знаю, на присягу не ездила, да и о красоте можно поспорить. Но не это главное. Понимаешь, папаны, ну дура она. Обычная, деревяненькая такая. И что, мне с этой чуркой всю жизнь прожить?

– А эта... Марина? Она ж тебе вроде нравилась?

– Ага. Жаль, что я ей не очень...

– Побороться?

– А смысл? Ну, бать, ну не всем же так везёт, как тебе с мамой... Ой, прости!

Сын потянулся к разом помрачневшему и как-то осунувшемуся отцу, приобнял за плечи. Несколько минут они сидели молча, каждый вспоминая своё. Потом допили чай и, завернувшись в плащи, задремали. Скоро-скоро рассвет и утки. Много-много... Жирных-жирных... Хорошо...

Спали Волковы чутко, но недостаточно, чтобы проснуться и вскочить, когда над сухой опушкой вдруг возникло призрачное сияние. Оно продержалось несколько секунд, мерцая и переливаясь, потом стало меркнуть и пропадать. А когда совсем исчезло, сухая опушка была пуста: ни маленького костерка, ни дремлющих людей. Словно и не было тут никогда и ничего...

Небольшое, но необходимое отступление

Будущее. Далёкое или не очень.

– Ну рассказывайте, что у вас там опять случилось? – мягкий, но уверенный голос. Таким голосом говорят начальники, которых любят подчинённые.

– Опять, – и тяжёлый вздох.

– Снова скачок нагрузки? И сколько на этот раз?

– Ну в этот раз не так уж и много. Несколько эксаватт³ в течение двух наносекунд... Но ведь уже в седьмой раз! – казалось, что отвечающий готов разрыдаться.

– Ну-ну, дорогой мой, – уверенный голос стал ещё мягче. – Меньше эмоций. Ну в самом деле: что такое несколько эксаватт? Пылинка, мелочь в масштабах нашей большой работы.

– Но мы очень переживаем: ведь могут произойти незапланированные переносы на неопределённый временной промежуток...

– А вот это пусть вас и вовсе не беспокоит, – уверенный голос словно обволакивал, успокаивая собеседника, точно неразумного ребёнка. – Что там может перенести? Ну пусть триста, пусть даже четыреста килограммов. И что с того? Ну отбросит какого-нибудь лося лет на сто назад. И что? Кто это заметит? – В уверенном голосе зазвучали весёлые нотки: – Даже лось не сообразит, что оказался в другом времени.

Несмотря на свои переживания и душевные страдания, собеседник фыркнул, представив себе лося, путешествующего во времени.

– Вот и славно, мой дорогой, вот и славно. А полный отчёт ко мне на стол после обработки. И не задерживайте, очень прошу. Завтра с утра я отчитываюсь в Объединённой комиссии Физики Времени.

³ Э к с а – приставка в системе СИ. Соответствует 10^{18} . Эксаватт равен триллиону мегаватт.

Глава 2

Пограничная стража проводила их до намеченного коридора. На прощание финский лейтенант откозырял им, и все время спуска в небольшой овражек ротмистр и капитан чувствовали на своих спинах его пристальный взгляд.

На ходу они не разговаривали. Во-первых, разговор сбивает дыхание, что прошедшие не одну сотню вёрст солдаты знали очень хорошо. Во-вторых, разговаривать было не о чем: всё уже давно говорено и переговорено сотни раз.

Они были слаженной, сработанной парой: почти ровесники, оба воевали сперва на Великой войне, потом – Корнилов, Деникин, Врангель... Оба уходили из Крыма в тот самый страшный двадцатый год. И хотя прошло уже почти девять лет, им обоим казалось, будто всё это случилось вчера. Толчая на пристани, крики, ругань, выстрелы, солдаты, пробивающие прикладами, а то и штыками дорогу к сходням и трапам... Константинополь и Королевство сербов, хорватов и словенцев⁴, а потом – Франция. Им не пришлось крутить баранки такси, они не собирали чаевые в «русских» ресторанах и не служили портье в третьеразрядных пансионах – им повезло. Почти сразу на них обратили внимание подчинённые адмирала Синклера⁵, и в двадцать третьем они в качестве агентов СИС⁶ впервые отправились в Россию, которую потеряли. Но которую надеялись вернуть...

Первый раз они возвратились в Россию – нет, не в Россию, а в проклятую Совдепию! – через три года после позорного бегства. Тогда-то они и познакомились, посмотрели друг на друга, так сказать, в боевой обстановке.

Тогда удача улыбнулась. Во всяком случае, так казалось сперва. Убиты семеро большевиков, сгорел пакгауз с хлебом, которые эти жида отобрали у крестьян, чтобы накормить городских оборванцев. Они возвращались, гордясь своими достижениями, и каково же было их разочарование, когда английское начальство встретило их с холодным презрением. Нет, их не бранили, не распекали, но... «Вы убили большевиков? Очень хорошо. Но что вы узнали об их армии? Ничего? Очень хорошо. А кого вам удалось завербовать? Никого? Очень хорошо...» О да! Это было очень хорошо. И они очень хорошо запомнили это. Накрепко. И навсегда.

Второй раз они отправились в Совдепию по приказу генерала Кутепова⁷. На этот раз их миссию организовывали не только англичане, но и Первый отдел РОВСа⁸. Они были связными, отправленными в МОЦР⁹. В их задачу входила доставка адреса и портрета Николая Николаевича, чтобы поднять боевой дух членов подполья. Но кто же мог представить себе, что эта организация – подлая провокация ГПУ?! Тогда им с огромным трудом удалось уйти, в отличие от других эмиссаров РОВС, сложивших свои головы в кровавых застенках чекистов. Ротмистр получил тогда пулю в бедро, капитан – в плечо, но им удалось вырваться из проклятой Совдепии.

⁴ Так до 1929 года официально называлась Югославия.

⁵ Х ь ю г о С и н к л е р (1873–1939) – руководитель службы внешней разведки Британской империи в период 1923–1939 годов.

⁶ С И С (SIS/Secret Intelligence Service) – служба внешнеполитической разведки Великобритании.

⁷ Кутепов Александр Павлович (1882–1930) – русский военачальник и политический деятель. Эмигрант. Один из руководителей Российского общевойскового союза (РОВС) – эмигрантской организации фашистско-террористического толка.

⁸ РОВС организационно подразделялся на отделы, курировавшие разные страны и регионы. Первый отдел отвечал за Великобританию, Голландию, Данию, Египет, Испанию, Италию, Норвегию, Персию (Иран), Польшу, Сирию, Финляндию, Францию с колониями, Швейцарию и Швецию.

⁹ М О Ц Р (Монархическое объединение Центральной России) – название фальшивой подпольной организации, созданной по инициативе Дзержинского в ходе контрразведывательной операции ОГПУ «Трест».

Уже в госпитале они узнали, что в лапы ГПУ попал сам Рейли¹⁰. Чекисты трусливо расстреляли великого разведчика. Британцы взбеленились. Мало того что красная зараза расползается на восток, так большевики ещё и осмеливаются творить такое. СИС и РОВС пылали жадной мести, и вот теперь двое агентов перешли через границу, показать большевикам, кто здесь настоящий хозяин. Краснопузые пожалеют, и не один раз горько пожалеют о своей наглости!

Стараясь ступать бесшумно, они шли по предрассветному, молчаливому лесу. Внезапно ротмистр, шедший первым, замер, не окончив шага. Он осторожно повернул головой направо, налево...

– Дым, – одними губами выдохнул он.

Капитан напряжённо принялся. Действительно, откуда-то слева едва слышно тянуло дымком.

Оба задумались: финны обещали, что на всём пути до дома лесника им никто не должен встретиться. Неужели ГПУ как-то прознало об их миссии?

– Засада? – таким же почти беззвучным шёпотом спросил капитан.

Ротмистр пожал плечами.

– Проверим?

Это, конечно, опасно, но их двое хорошо вооружённых мужчин, прошедших такое, что многим и в страшном сне не приснится. И вернуться вот так, не проверив, – бесчестье. Рассудив таким образом, ротмистр энергично тряхнул головой:

– Проверим!

Осторожно, обходя подозрительные сучки, ветки и пятна скрывающего воду мха, они скользнули вперёд. Запах дыма становился все яснее, и тут до них донеслись голоса. Негромкие – слов не разобрать, но несомненно – голоса.

Капитан чуть приостановился и показал два пальца. Ротмистр согласно кивнул: действительно, разговаривали двое. Но, может, остальные молчат?

Казалось, что до костра, у которого расположились незнакомцы, осталось совсем немного, но путь преградил густой малинник. Продираться сквозь ломкие стебли – выдать себя с головой. Ротмистр качнул головой, указывая путь обхода, и двое шагнули влево.

Кустарник кончился как-то внезапно, словно отрезали ножом. И тут же открылась довольно широкая тропа, прямая, словно стрела. Оба замерли: шагах в трёхстах тропа упиралась в болото, а на берегу, на сухом месте, расположились двое. Судя по двустволкам – охотники.

Костёр, а точнее нодья¹¹, мерно тлел, рядом стоял небольшой медный чайник. Охотники курили, во всяком случае – один из них, сидевший так, что в предутреннем сумраке виднелся огонёк папиросы или самокрутки...

Капитан дотронулся до руки своего спутника и показал на курильщика. Ротмистр понативно кивнул: в конце концов, даже у охотников может оказаться что-нибудь интересное, а вот оставлять в живых свидетелей их перехода границы совершенно излишне. И, разобрав цели, они двинулись вперёд по тропе...

¹⁰ Сидней Рейли (наст. имя Соломон Розенблюм, 1873–1925) – международный авантюрист, англофил и русофоб. Начиная с 1897-го сотрудник британской разведки. Вёл шпионскую деятельность против России начиная с Русско-японской войны. В 1918-м участвовал (организовал?) в организации покушения на Ленина и подготовке покушений на руководителей РСФСР. Заочно приговорён к смертной казни. В 1925-м нелегально прибыл в Советский Союз, где и был арестован. Пятого ноября 1925 года заочный приговор был приведён в исполнение.

¹¹ Долго и слабо горящий костёр из двух или трёх брёвен большого диаметра, сложенных в два вертикальных ряда. Огонь разжигается таким образом, чтобы отдавал тепло всю ночь, без добавления топлива.

* * *

Будильник на смартфоне заверещал и заругался примерно за час до рассвета. Отец и сын заворочались на подстилках из лапника, с трудом разминая затёкшие после ночёвки мышцы.

– Папань, завтракать будем? – поинтересовался сын.

– По мелочи, – Волков-старший вытащил из рюкзака два пакетика быстрорастворимого кофе и пачку печенья «Юбилейного». – Воды набери, – негромко велел он, и сын послушно отправился к болоту за водой.

Когда умытый и с полным чайником Всеволод вернулся к костру, отец уже сидел, пригласив к себе своё ружье, и покуривал. Парень негромко хмыкнул: отец с огромным трудом отучил его от курения натошак, а вот сам так и не изжил этой безусловно вредной привычки.

– Патроны сменить не забудь.

На ночь оба перезарядили свои ружья. Правый ствол – пулевой патрон, левый – картечь. Конечно, вероятность встретить у самого болота медведя или волка невелика, но, как любил повторять старший из Волковых: «Лучше сейчас перебдеть, чем потом перебздеть». И младший был с этим согласен, а опыт армейской службы в не самом спокойном регионе Кавказа только укрепил в нём веру в правоту этой мудрости. Так что перед встречей с утками требовалось сменить заряды на простой «бекасник», чтобы дичь при удачном выстреле не взрывалась. В буквальном смысле.

Но замена патронов могла и подождать: до рассвета времени ещё вагон, так что парень со спокойной душой поставил чайник у огня и потянулся к раскрытой пачке с печеньем. Захрустел, блаженно щурясь, и... едва не подавился, заметив, что отец внезапно напрягся и осторожно потянул ружье к себе так, чтобы в любой момент пустить его в дело.

– А... Кха-кха-кха... – только и смог выдавить Всеволод-младший.

– Цыц! – тихо приказал отец. – Люди... – пояснил он и добавил: – Ружье...

Парень, все ещё задумчиво перхая, сделал вид, что тянется к фляге, подцепил ружейный ремень и подтянул двустволку к себе. Сколько он себя помнил, отец никогда не был параноиком, так что...

Он поднял голову: к ним быстро и почти бесшумно двигались две фигуры. Вот один из подходящих махнул им, то ли приветствуя, то ли обозначая мирные намерения, и Всеволод-младший слегка расслабился. Но тут второй резко и как-то суетливо сунул руку в карман...

Отец как сидел, так и прыгнул в сторону, перехватывая ружье. Гулко бухнула «тулка». Только тут парень осознал, что он тоже откатывается от костра, а руки уже сжимают двустволку. Щёлкнули взводимые куртки, громовым раскатом грянул сдвоенный выстрел...

– Куда, придурок?! – зашипел Волков-старший, увидев, что сын собирается встать. – Перезаряжай и жди!

Сам он залёг за небольшой ёлкой, которая вряд ли защитила бы от выстрела, но неплохо скрывала его от чужих взглядов и маскировала движения. Отец ещё раз взглянул в сторону сына. Ну наконец-то сообразил: переломил стволы, шарит пальцами за патронами, а взгляд от упавших не отводит. «Молодчик, – тепло подумал Всеволод-старший. – Не зря я его учил, не зря. Выйдет из него толк, вот точно выйдет!»

А двое лежали, не подавая признаков жизни. Ну в общем-то и неудивительно: картечь с тридцати шагов – это вам не роза в вазочке!

– Осторожно встаём, – скомандовал Волков-старший. – Я вперёд, ты страхуешь.

Сын поразился тому, как вмиг преобразился отец. Обычно улыбчивый и доброжелательный, с несколько вялыми движениями, сейчас он двигался упруго, сторожко, с ничего не выражающим, застывшим лицом. «Вот так и выглядит смерть, – вдруг подумал Волков-младший. – То-то за его голову хорваты тридцать тысяч давали...»

* * *

Ротмистр понимал, что умирает. С развороченным животом долго не живут. Всё-таки это была засада. Большевички прикинулись охотниками, вот только охотились они на людей. Он только ещё нащупал рукоятку пистолета в кармане плаща, когда старший из двоих сидевших мгновенно ушёл с линии возможного выстрела и тут же выпалил в него картечью из двустволки крупного калибра. А второй, тот что был помоложе, в ту же секунду откатился в другую сторону и дулетом уложил капитана.

Глаза уже застилала смертная пелена, и он не сразу понял, что над ним наклонился человек. Попытался всё-таки вынуть пистолет, но оружие легко вывернули из руки.

– Ну-с, любезный, и с какой зоны когти рвали?

Вопрос был совершенно непонятен, хотя спрашивавший вроде бы говорил по-русски.

– Ты не молчи, урлоид, не у прокурора. И конвенций тут для тебя нет!

Перед глазами появилось лезвие ножа. Странное, словно бы покрашенное в тёмный цвет...

– Сука краснопузая!

Ему показалось, что он произнёс это твёрдо и гордо, но на самом деле мёртвые губы лишь слегка шевельнулись без звука.

* * *

Отец убрал клинок в ножны и коротко вздохнул:

– Холодный. Ладно, потом притопим в болоте... Посмотри, как там твой?

Всеволод-младший взглянул. В горло ткнулся кисло-сладкий ком: у лежавшего перед ним человека грудь была разорвана двумя попаданиями. Во время армейской службы ему приходилось стрелять, возможно, он даже попадал, да и трупы тоже видел, но вот так, только что убитого им самим человека...

– Мутит? – спросил отец спокойно. И сам себе ответил: – Мутит. Это нормально, сын. Это сейчас пройдёт. Иди, кофейку глотни, а потом мы их распотрошим и отправим в последнее плавание.

– Зачем потрошить? – с трудом выдавил из себя парень.

Волков-старший коротко хохотнул:

– Ну хотя бы на предмет ништяков разнообразных. Вот, кстати, – он протянул сыну отобранный пистолет. – Посмотри-ка на этого зверя. Башку на отруб: такого ты никогда не видел.

Волков-младший взял оружие, повертел в руках:

– «Лахти»¹²? – поинтересовался он небрежным тоном знатока.

– Да нет, мелкий, это ты пальцем в небо попал, – отец засмеялся так легко и весело, как будто и не лежали рядом два трупа. – Это экземпляр весьма редкий и в наших широтах почти не встречающийся. Можно сказать, занесённый в красную книгу. Это, Севка, «Веблей-Скотт»¹³.

Рассказывая все это, он аккуратно разрядил пистолет и выщелкнул из обоймы один патрон себе на ладонь. Повертел в пальцах, разглядывая и так, и эдак.

¹² Подразумевается финский пистолет L-35, разработанный оружейником Аймо Лахти в 1935 году.

¹³ Webley & Scott – семейство английских самозарядных пистолетов, выпускавшихся с 1905 по 1940 годы под разные калибры и патроны. Наиболее распространёнными были пистолеты под патрон.38 АСР (модель 1910 года) и под патрон.455 Webley (Модель Mk I Navy).

– Любопытный патрон, – произнёс он наконец. – Девять миллиметров, довольно длинный, но не «Парабеллум». Это кто ж у нас такой будет? Ладно, потом разберёмся, – махнул он рукой. – Пошли кофе пить, пока совсем не остыл.

* * *

После завтрака, во время которого нормально ел только отец, а сын едва-едва заставил себя проглотить пару печений, было решено наплевать сегодня на уток и вплотную заняться изучением двух маньяков, вздумавших на свою голову напасть на дичь, оказавшуюся им не по зубам.

– Между прочим, – заметил Волков-старший, отхлёбывая из кружки, – очень любопытно: кого эти уроды ограбили до нашей эпохальной встречи? Пистолетик не то чтобы уникальный, но и особо распространённым его не назовёшь. И если вдуматься, то для оружия почти столетней давности выглядит он весьма презентабельно.

– Коллекционера какого-то обнесли, – согласно кивнул младший, – и рвали с добычей в Финляндию.

– Вряд ли, – покачал головой отец. – Багажа при них – кот наплакал. Что ж они, только это и взяли? Сомнительно...

– А если спрятали где-то?

– Опять не сходится. Они с добычей когти рвут и вдруг на нас отвлекаются. На хрена? Волков-младший задумался. Действительно, неразумно как-то...

– Папань, а чего ты этого, ну... который ещё живой был, спрашивал, откуда они сбежали? С чего ты взял?

Старший допил кофе, закурил.

– А ты не заметил, что одежда у них какого-то сильно устаревшего фасона? Так, пожалуй, только в зонах теперь одевают.

Сын снова кивнул, соглашаясь и внутренне радуясь тому, какой умный и наблюдательный у него отец.

– Ну ладно, пора заняться личным досмотром наших новых, но – увы! – таких неразговорчивых знакомых. Пошли, сын!

* * *

Минут через тридцать Волковы стояли над двумя раздетыми покойниками и с удивлением и непониманием смотрели друг на друга. Перед ними на расстеленной отцовской плащ-палатке лежали найденные вещи, которые, собственно, и повергли их в недоумение. Два вещмешка, две фляжки, перьевая самопишущая ручка, странный карандаш с металлическим колпачком, двое часов, портсигар, коробка папирос, спички; револьвер, который старший определил, как «Веблей Mk VI»¹⁴; россыпь патронов для револьвера и пистолета; несколько увязанных бечевой пачек устаревших, но удивительно свежо выглядящих советских, британских и американских купюр; столбушок из пятнадцати золотых советских червонцев, завернутых в пергаментную бумагу; два ножа, производивших впечатление самодельных, но несомненно фабричного производства; жестяная банка непонятных консервов; пачка столь же непонятных галет и, наконец, стопка бланков разнообразных удостоверений, справок, каких-то непонятных аттестатов и тому подобной бюрократической макулатуры. Причём все документы имели печати и подписи, а вот имён тех, на кого они были выданы, не наблюдалось.

¹⁴ Британский револьвер образца 1915 года под патрон калибра.455 (11,5 мм).

– Папань, а я чего-то не пойму, – задумчиво сообщил сын, вертя в руках здоровенные наручные часы, – где у них заводная головка?

– Они ключом заводятся, – отстранённо заметил отец, вертя в руках содранные с одного из покойников брюки-галифе. – В часовом кармашке искать надо... Слушай, мелкий, а кому это в голову пришло ширинку делать на настоящих роговых пуговицах? Не пластмассовых, а именно роговых. Это товарищ так аутентичность соблюдал?

Волков-старший бросил галифе наземь и поднял следующие, поднёс к глазам, разглядывая.

– Хрен знает что, сын, – сообщил он после минутного молчания. – Никаких лейблов, этикеток или ещё чего. Господи, эти психи, что, в ателье одевались?

Сын не ответил. Он, перебирая всю пачку, одну за другой внимательно рассматривал бумаги. Закончил, пошевелил губами и произнёс:

– Папань, а тут крайняя дата – весна двадцать девятого года. И все в СССР и РСФСР выданы.

– И что? – поинтересовался тот, но тут же в глазах его блеснуло понимание.

Волков-старший быстро поднял купюры и так же внимательно, как только что делал сын, принялся их изучать.

– Крайняя – двадцать седьмого года, – сообщил он, закончив осмотр. – И что? Ты хочешь сказать, что...

– Очень не хочу, но так получается, – вздохнул младший. – Интересно, и как мы теперь?

Отец отошёл от выставки трофеев, одним движением подтянул к берегу относительно сухое, не до конца обомшелое бревно и уселся на него, спустив ноги в сапогах в прохладное августовское болото. Он закурил и надолго замолчал, разгоня струями голубоватого дыма свирепых карельских комаров.

– Я правильно понимаю, что телефоны у нас обоих не работают? – запустив в болото очередной окуроч, спросил он, не оборачиваясь.

Всеволод-младший понимал, что его не видят, но на всякий случай кивнул:

– Угу.

Снова долгое молчание.

– Ну тогда давай соберём бабло, бумаги и прочие трофеи в рюкзаки. И попробуем выработать план действий в нынешних, не до конца понятных условиях, – подвёл итог своих размышлений Всеволод-старший, поднимаясь.

Они быстро собрали вещи, предварительно привязав набитые землёй иссечённые картечью рубахи и френчи к телам убитых, спустили обоих в болото, пронаблюдал, как чавкнула и запузырилась трясина, после чего сели к костру.

– Пожужим или сразу думать? – спросил отец.

– Сразу, – вяло махнул рукой сын. – Бать, кусок в горло не лезет...

– Бывает, – кивнул старший Волков. – Ну тогда слушаю твоё виденье ситуации.

Младший Волков сперва закурил, а потом сообщил, что по всем признакам они перенеслись в прошлое. Причём, судя по датам, что на бумагах у покойных шпионов («А кто они ещё могут быть? Контрабандисты? Не делайте мне смешно, как говорят в Одессе!» – «Согласен»), и климатическим условиям окружающей среды, на дворе – август двадцать девятого года. И ему очень хотелось бы узнать, что известно про данный период истории их Советской Родины, потому как ему это в школе не преподавали, а старшее поколение в лице отца вот именно про это время почему-то ничего никогда не рассказывало.

Старший хмыкнул, потом признался, что и сам про это время ничего уж такого особенного не знает. Нет, он в курсе, что уже год, как принят первый пятилетний план, что в этом году был или будет инцидент на КВЖД и ещё, кажется, дебил Примаков именно в двадцать девятом вторгнулся в Афганистан... Уже пару лет как строят ДнепрогЭС и Турксиб. Строитель-

ство Магнитки и Кузнецкстроя то ли началось, то ли вот-вот начнётся, до начала строительства Беломорканала ещё чуть ли не два года, а до Комсомольска-на-Амуре – все три...

– Вот, пожалуй, и всё, – он задумчиво почесал бритую голову. Волков-старший рано поседел – сказались авантюры молодости – и весьма комплексовал по этому поводу. Но красить волосы считал недостойным мужика, а потому брился каждый день и даже освоил настоящую клинковую бритву. – Что ещё добавить? Ну кулаки кое-где шалют, в Средней Азии басмачей добивают. Теперь, кажись, точно – всё!

– А нам тогда что делать? На Днепрогэс наняться?

– Можно и на Днепрогэс, но мне как-то не улыбается землю в тачке возить. А на другую должность ни меня, ни тебя не возьмут: со строительным образованием у нас туго.

– Слушай, а давай в Москву, а? Напишем заявления, что паспорта на охоте потеряли...

Отец внимательно посмотрел на него и спокойно сообщил, что внутренние паспорта в СССР появились в тысяча девятьсот тридцать втором году, и стыдно не знать таких вещей. Сын вернул взгляд с несколько обалделым видом:

– А прописка как же? Её тоже не было?

– Была. Приходишь к управдому и сообщаем о себе всё, что надо.

– А если соврёшь?

– Значит, соврёшь. Проверять особенно не станут, хотя вот в Москве как раз могут и проверить. Столица как-никак...

Волков-младший задумался, а потом спросил, потребуют ли при приёме на работу у отца диплом о высшем образовании. После информации о паспортах и прописке он уже представлял себе ответ, так что не сильно удивился, узнав, что диплом, в принципе, нужен, но если сказать, что он пропал во время Гражданской войны, то поверят. Разве что спросят: какой конкретно вуз заканчивал и в каком году.

* * *

После получаса непрерывных вопросов младший наконец выдохся, и слово взял отец. Он заметил, что их одежда совершенно не соответствует периоду конца двадцатых годов двадцатого века. Разве что брезентовые плащ-палатки да берцы особенных вопросов не вызовут, хотя...

– Папань, а вот от этих... – Сын замялся, но закончил твёрдо, – от них штаны и сапоги остались. Вполне ничего себе. И по размеру нам почти подойдут. Ну коротковаты, конечно, будут, но, если в сапогах, так и не заметно будет.

– Кровью сильно замараны? – поинтересовался старший Волков. – Если что, можно попробовать отстирать, только поспешить надо, пока не засохла.

Выработка плана прервалась на осмотр и замывание трофейных галифе. В процессе удаления следов кровавой расправы выяснилось, что портянки младший Всеволод наматывать не умеет. Отец пробурчал: «А ведь я тебя учил...» – и пообещал помочь освоить этот процесс за один день.

Когда стирка была закончена, и вещи были развешаны на ближайших ёлках, Волковы соорудили себе обед из пары бичпакетов и банки тушёнки и вернулись к обсуждению дальнейших действий.

Они решили дошагать до Петрозаводска – ну не обязательно именно дошагать – можно воспользоваться попутным транспортом, если, конечно, таковой попадётся, а оттуда по воде добраться до Питера.

– Ты, кстати, не забудь, что он Ленинградом называется, – заметил старший Всеволод. – А вообще очень тебе рекомендую пока говорить поменьше, а слушать побольше. Это не потому, что ты дурак, – он примирительно поднял руку, останавливая вскинувшегося сына. – Просто

ты совсем в местных реалиях не разбираешься. И не хотелось бы спалиться прямо вот так, на первом же шаге.

Поразмыслив, Всеволод-младший кивнул, соглашаясь, и тут же сказал:

– Бать, а давай стволы прикопаем, а?

– Чего? – вытаращил глаза отец. – Зачем это? Мелкий, или я чего-то не понимаю, или поясни: чем это тебе наши ружья не угодили?

– Не, папань, я не про ружья, – сын позволил себе лёгкую улыбку. – Я про пистолеты.

– А с ними что не так? – ещё больше удивился отец. – Нет, мы, понятно, кобуру на пояс цеплять не станем, а в вещмешке они себе лежат и лежат, пить-есть не просят.

– Ага, – засмеялся Всеволод-младший. – А если при обыске найдут?

Услышав про обыск, Всеволод-старший чуть не подавился сигаретой.

– Э, алё! Ты что там, в армии, сказок про «кровавую гэбню» и «ж-ж-жуткие сталинские репрессии» переслушал или, не дай бог, либерализм подхватил? Япона мама, а я-то надеялся, что я тебе к нему иммунитет привил... – он глубоко затынулся. – Сын, запомни: тут у тебя сейчас милиционер даже документы потребовать не имеет права. Ибо нет у нас сейчас внутренних документов. Отсутствуют, как класс. Есть справки для предоставления по месту требования, доверенности для того же самого, а вот документов, удостоверяющих личность, – нет! И появятся ещё не скоро. А уж личный досмотр – это и вовсе – из ряда вон.

– Окей... – парень с трудом переварил полученную информацию, но продолжил спрашивать: – Ну хорошо, а потом? Чего мы с ними потом делать станем?

– Да ничего, – старший пожал плечами. – Сходим в отделение милиции, зарегистрируем и будем дома хранить. Пистолет и револьвер – вещи в хозяйстве полезные, могут и пригодиться. Мало ли что...

– Чего, правда? – Волков-младший понимал, что отец не станет его обманывать, но не мог заставить себя поверить в услышанное. – Чего, вот прямо вот так можно было пистолет дома хранить?

– Мелочь, ты фильм «Место встречи изменить нельзя» сколько раз смотрел? Тебя никогда не интересовало: отчего это у доктора Груздева дома пистолет хранится?

– Ну... Типа наградной?

– Ага, наградной, – Волков-старший засмеялся и закашлялся. – Это вот у этого рафинированного интеллигента, который с любимой женщиной в пригородный посёлок Лосинку съехал, оставив бывшей жене-шлюхе московскую квартиру, наградной пистолет? Поди, за успехи в изучении творчества Достоевского наградили?

Всеволод-младший растерянно пожал плечами. Действительно, как-то не сходится.

– Так вот, друг ты мой ситный, запрещалось хранить дома «Маузер», да и то – только без специального разрешения. А так – сделай одолжение, храни. Только зарегистрируй.

– Но как же?

– А вот так же. Патроны-то в продажу не поступали, а пистолет без патронов – железяка.

И куда более безопасная в драке, чем, например, полкирпича... – он отвесил сыну шуточный подзатыльник. – Так-то вот, сын.

Тот только головой покрутил:

– Чудны дела твои, господи...

* * *

За такими разговорами и делами незаметно пролетел день. Закатное солнце окрасило болото в странный, кроваво-багровый цвет, отчего обоим Волковым стало слегка не по себе. Сын зябко передёрнул плечами:

– Кровь...

– М-да уж, – протянул отец. – И сколько её ещё будет...

Говорить больше не хотелось: на них обрушилось понимание того, что вся их прежняя, более-менее налаженная жизнь резко и неожиданно оборвалась, и теперь... А вот что будет теперь?

В молчании они сварганили немудрящий ужин и также молча проглотили его. Лишь когда был допит чай и оба взялись за сигареты, Волков-младший посмотрел на своего отца и тихо спросил:

– Бать, тебе что: совсем не страшно?

Помедлив, тот ответил:

– Страшно. А толку в том страхе? – он протянул руку и, как делал когда-то в далёком детстве, потрепал сына по волосам, – Не журишь, казаче: прорвёмся. Фиг ли нам, кучерявым? Главное сейчас что? Главное то, что знаем мы с тобой до хрена и очень даже можем помочь Родине. Хотя бы выкрутиться из войны с меньшими потерями, а? Достойная цель?

– А то! – младший повеселел. – Все сделаем в лучшем виде! Ты, вон, столько знаешь, что страна у нас сейчас прыжками вперёд поскачет! Воля на весь свет о своём безмятежном блаженстве!

Оба засмеялись. Правда, сын смеялся радостно и беззаботно, а вот на лицо отца нет-нет, да и набегала тень задумчивости...

Глава 3

*В бурном море людей и событий
Не щадя живота своего
Совершите вы массу открытий,
Иногда не желая того!*

Юлий Ким

До Петрозаводска они добрались за три дня. Сперва их подвёз на лодке старик, который тоже ходил на уток. Вот только сын, когда увидел оружие старика, вздрогнул, а потом шёпотом спросил у отца, что это за огромная фиговина на носу лодки разместились? И не собирается ли дедок таким калибром вести морской бой или отражать высадку вражеского десанта на родное побережье?

Отец и старик, который, как выяснилось, обладал, несмотря на возраст, завидным слухом, расхохотались, после чего Волков-старший пояснил, что этот монстр зовётся «утятница»¹⁵ и предназначен для стрельбы дробью по целой утиной стае, что уселась на воду в зоне досягаемости громадины.

Старый охотник кивал, подтверждая рассказ отца, а потом добавил, что из своей утятницы он одним выстрелом до трёх десятков уток брал. А в этот раз только полтора подстрелить удалось. В доказательство он предъявил битую птицу, затем оглядел пустые ягдташи Волковых и предложил отдать пару уток в обмен на... Многозначительное молчание было понято совершенно правильно, и дедку пожертвовали одну из трофейных фляжек, в которой оказался джин. Сын этот напиток без тоника не любил, а отец и вовсе считал его тройным одеколоном, который он как-то в своём далёком, хотя ещё и не наступившем детстве дегустировал в пионерском лагере, так что обмен завершился к полному удовольствию обеих сторон.

Старик попробовал иностранный напиток, шумно выдохнул, икнул, а потом задумчиво заметил:

– От оно как: городски, а с пониманьем. Самогонку-от за всегда на вересу¹⁶ пользительно настаивать. Грудь-от не сушит... Ну, благодарствуй, – и разом опростал флягу на половину.

Впрочем, на его штурманских навыках это никак не отразилось, и лодка все так же уверенно скользила по каким-то незаметным протокам. К исходу дня, уже в лёгких северных сумерках, дед доставил их к небольшой – дворов на пять – деревеньке. Он радушно пригласил попутчиков переночевать у него на сеновале, угостил Волковых варёной картошкой и мочёной брусникой, а поутру его жена, сухонькая живая старушка, выдала обоим пришельцам из будущего двух запечённых уток – тех самых, что они так удачно выменяли на джин.

Старик даже проводил их до дороги, по которой «пряму, пряму да и до города-от». Отец и сын вскинули на плечи трофейные сидоры, в которые упрятали и свои нейлоновые рюкзаки, и зашагали в указанном направлении. Идти пришлось часа два, а потом их пригласила на телегу разбитная молодка, что везла в город домашнюю солонину. Девушка попалась разговорчивая, и за время пути они узнали от неё все местные новости, вот разве что не запомнили. Впрочем, не так уж им и было интересно узнать, что «Прошка-от у городу сбёг, а за им – Настасья. Дык вить комсомольные – у городу у Питеру пойдут, в завод какой». Но слушали Волковы свою возницу очень внимательно, стараясь запоминать говор и вычленяя из её бесконечных

¹⁵ У т я т н и ц а (уточница, гусятница) – дробовик сверхкрупного калибра для промысловой охоты на гусей и уток. Калибр утятницы может достигать 50–60 мм, а заряд дробы 0,5 кг! В настоящее время повсеместно запрещена.

¹⁶ В е р е с – можжевельник (северные диалекты).

рассказов серьёзные события. Всеволод-младший ещё надеялся, что вдруг это все ошибка, и они в своём родном времени, но увы! Какой уж тут двадцать первый век, когда «колхозу» затеяли, да уполномоченны с городу-от приехавши. Трактор обещавши, а у Стёпки Корсунова молотилку забравши: кулак-от».

Всеволод-отец тоже старался слушать внимательно, вот только невесёлые мысли то и дело отвлекали его от крайне живого, но несколько сумбурного повествования. Нет, он не сомневался, что они с сыном не пропадут, но всё же, всё же... Он хорошо помнил своё детство и юность, прошедшие в СССР, но хватит ли тех, уже слегка позабывшихся знаний, чтобы легко вписаться в общество двадцать девятого года? А ведь тогда страна – настоящий осаждённый лагерь. Решит какой-нибудь бдительный пионер или комсомолец, что они ведут себя неправильно, непривычно, да и стукнет куда следует. А как бы он ни храбрился перед своим отпрыском, но тесное общение с товарищами из ГПУ, которые примутся задавать неудобные вопросы, в его планы ну никак не входило.

Поглощённый этими размышлениями, он слушал уже невнимательно, как вдруг что-то резануло его слух. Что-то неправильное, такое, чего вроде как и не должно быть.

– Прости, красавица, что-то я не расслышал, – он повернулся к девушке. – Повтори, сделай милость: что ты сейчас сказала?

– Ой, а меня Улей звать, – молодка отчаянно покраснела и приопустила глаза. – Прямо уж так-от и красавица. Это вы в усмешку, да?

– Ну отчего же? – Волков-старший улыбнулся, насколько мог открыто. – Красавица и есть.

Вон какая: кровь с молоком! – И не давая девушке уйти от ответа, повторил вопрос: – Ты вот что-то сказала, а я, видишь, задумался да и не расслышал.

– Ой, да я про примусу-от спросила. Японские в лавку привезли, а нам боязко: а ну как дурные?

– Японские? – вмешался в разговор Волков-младший. – Покупайте, Уля, не нервничайте. Японские товары очень качественные. У них вообще вся техника отличная.

Тут он перехватил свирепый взгляд отца и замолк, растерянно глядя то на него, то на девушку, которая тоже растерялась, причём настолько, что вожжи из рук выпустила.

– Ой, чаво вы-от наговорили непонятного. Все-от по-городскому, по-учёному...

– Вы, Улечка, не обижайтесь на нас. Мой балбес хотел вам сказать, что японские примусы очень хорошие. Надёжные и сделаны с умом. Если купите – не ошибётесь.

Ульяна захихикала, обожгла Всеволода-младшего призывно-зовущим взглядом и опять принялась за свой бесконечный рассказ обо всех местных новостях. Только теперь она расписывала всяческие танцы, вечорки, посиделки и праздники, которые случаются у них в деревне. При этом она ухитрилась незаметно переместиться на телеге так, чтобы время от времени прижиматься к парню своим тугим, налитым плечом, от чего тот слегка вздрагивал и с подозрением косился на спутницу.

После полудня они остановились на берегу неширокой и быстрой речушки на обед. Крестьянская красавица, смущаясь, выложила на чистую холстину нехитрое угощение: варёную в мундире картошку, крупную соль в тряпиче, пару луковиц, несколько крутых яиц и домашний хлеб. Волковы переглянулись и прибавили к общему столу печёную утку, после чего крепко задумались. У них оставались ещё и продукты из будущего, но вот выкладывать на общий стол печенье или конфеты в яркой пластиковой упаковке... Давать такой повод для разговоров местной весьма болтливой девице? Увольте, увольте! Но и самим сладенького хочется, да и девицу побаловать тоже не лишне: мелких денег у них нет, попытка расплатиться бумажкой достоинством даже в один червонец даст куда больше поводов для сплетен. Слыханное ли дело: расплатиться за то, что взяли на телегу, такой суммой, за которую эту самую телегу чуть ли не купить можно?!

Но тут Ульяна положила конец их тягостным размышлениям, просто отлучившись в кустики. Пока она отсутствовала, отец и сын торопливо рвали упаковки, шёпотом ругая себя за то, что вот об этом-то они и не подумали заранее. К возвращению девушки все красочные упаковки уже пылали и оплавлялись в небольшом костерке, над которым висел чайник, так что Ульяна только восторженно запищала, увидев лакомства.

Дальнейшая дорога протекала без каких-либо приключений или неожиданностей. И лишь когда к концу второго дня они въехали на окраину Петрозаводска, Уля, смущаясь и запинаясь, предложила поменять оставшиеся у Волковых сладости на...

– Вот, – девушка вытащила из-под соломы, устилавшей телегу, здоровенную бутылку с замотанным тряпицей горлышком.

Отец восхищённо оглядел великанскую тару и шепнул сыну: «Вот, запоминай: именно так и выглядит пресловутая четверть¹⁷». Парень оценил размеры, не сомневаясь в том, что именно представляет собой содержимое бутылки. Он уже потянулся к фляге на поясе, но Волков-старший легонько хлопнул его по руке.

– Ничего нам от тебя, красавица, не надо, – он развязал сидор и высыпал остатки печенья и разломанную шоколадку в подставленный Улей подол. – Кушай на здоровье.

Девушка снова отчаянно покраснела и поклонилась старшему, а младшего Волкова неожиданно крепко обняла и поцеловала. А пока тот приходил в себя, она успела жарко прошептать в самое ухо, где парень может её найти. И тут же, вскочив обратно на телегу, хлестнула лошадь вожжами, да так, что та припустила по улице чуть только не галопом.

– Папань, что это было? – обалдело поинтересовался сын, глядя то в след удаляющейся телеге, то на покатывающегося от беззвучного смеха отца. – Надеюсь, она не свататься пыталась?

Волков-старший захохотал теперь уж в голос, а когда отсмеялся, объяснил, что младший совершенно напрасно представляет себе русскую деревню начала двадцатого века эдаким пуританским сообществом. Наоборот, именно деревня отличалась и лихими адюльтерами, и весьма свободными взглядами на секс – намного более свободными, чем город. Нет, разумеется, Всеволод-младший понравился Ульяне, и, если бы дело дошло до сватовства, девушка вряд ли бы сильно огорчилась. Но вот в данном конкретном случае речь шла о простом свидании, хотя вполне возможно – с последующим продолжением. Горизонтальном, так сказать.

– А что? Девка-то видная, ядрёная, – заметил отец и ехидно поинтересовался: – Может, сходишь?

– Да ну её, – махнул рукой сын. – Странная она. Кобыла здоровая, а целоваться не умеет. Ещё окажется, что я честь девичью похитил, – налетит потом родня и примется сватать. Вилами да кольями.

– Ишь ты. Целоваться, говоришь, не умеет? А с чего ты это взял?

– Так она мне в губы ткнулась, а рот не раскрывает.

– А, ну это тут повсеместно. Целоваться тут только в городах умеют, да и то – не все и не во всех. Что ж ты хочешь? Не добралась ещё до нас европейская секс-культура, да и Камасутру тут ещё не читали. Ладно, – хлопнул себя по бедру Всеволод-старший. – Хорош лясы точить. Пошли, поищем какой-нибудь ночлег.

Им удалось перехватить извозчика. Неизвестно, что этот «ванька» позабыл на окраине, где почти наверняка не отыскать седоков, но так или иначе таскаться по городу поздним вечером пешком, да ещё и с ружьями за плечами было как-то не с руки.

¹⁷ Устаревшая русская мера объёма жидкостей. Одна четверть = ¼ ведра = 3,0748 л. Следует помнить, что четвертью также называлась мера объёма сыпучих тел (зерно, мука и т. д.), причём эти четверти не были равны друг другу и отличались весьма значительно.

Гостиниц в бывшем губернском городе, а ныне – столице Карельской Союзной республики не имелось. Идею переночевать на вокзале пришлось отбросить при первом же взгляде на пресловутый «вокзал» – одноэтажное бревенчатое сооружение, на котором криво висела фанерная табличка «Ст. Петрозаводск». Сын предложил было попробовать устроиться на речном вокзале, но, увидев скептическое выражение на лице отца, стушевался и смолк.

Прислушивавшийся к их разговору извозчик предложил им «мябялирашку» – меблированную комнату, хоть и не самую дешёвую, зато «самолучшу, самую первостатейну», и выразил уверенность, что «граждане-товарищи в довольстве состоять будут». Он порывался везти их туда «пряма счас, едным дыхом домчим», но Волков-старший поинтересовался, а найдётся ли поблизости от «первостатейной мябялирашки» место, где можно поужинать? На что извозчик сдвинул набекрень свою невообразимо мятую не то фуражку, не то кепку («Картуз» – проинформировал отец), почесал свою кудлатую голову, потом – не менее кудлатую бороду, заговорщически подмигнул и сообщил, что «самовар там спроворим, а к самовару – ишшо кой-чаво», после чего обозначил цену: пятнадцать рублей. Стало понятно, что пресловутая «мябялирашка» – полная и нераздельная собственность самого «водителя кобылы»¹⁸...

Волковы затрофеили почти десять тысяч рублей, не считая валюты, и Всеволод-младший был готов немедленно согласиться: спать хотелось отчаянно, да и перекусить бы не помешало. Но, к его великому удивлению, отец, который терпеть не мог торговаться, неожиданно принялся с жаром сбивать цену. Извозчик бойко возражал, приводя порой совершенно феерические аргументы.

– ...А пярина-от, пярина! Истинный крест: с губернаторского дому! Как-от в семнадцатом губернаторев дом-от брали, пярину-от я оттудова приволокши! Самолично! Никак не можно меньше двенадцати рублёв!

Но Волков-старший разбивал подобные доводы с холодной издёвкой:

– Так у тебя ещё и клопы буржуазные? А нам их своей пролетарской кровью кормить? Не-е-ет, дорогой: за империалистов в перине ещё рупь долой. Бери восемь с полтиной и едем!

Наконец они сторговались на десяти рублях за всё, включая ужин, завтрак и утреннюю поездку на вокзал. Судя по всему, довольными остались обе стороны, хотя извозчик, поинтересовавшийся, откуда его сёдоки родом, цокнул языком и заметил, что если в Москве все такие хитрованы, то лично он за Республику спокоен: всех объегорят, но «Рассее» пропасть не дадут.

Дом, где им предстояло провести ночь, оказался добротным, могучим строением, сложенным из мощных лиственничных стволов, с высоким резным крыльцом и замысловатыми фигурками на крыше. Извозчик-домохозяин, представившийся Фёдором Степановичем, поспешил известить домочадцев, что необходимо принять жильцов, а отец с сыном отправились осматривать «самолучшу» комнату с «губернаторской пяриной».

Комната оказалась большой и чистой, но при этом выглядела какой-то странно пустой, словно бы и не жилой. Кровать и деревянная лежанка-нары, накрытая чистыми холстинами, самодельный грубоватый струганный стол да табурет – вот и вся обстановка, если не считать расстеленных на полу лоскутных половиков. Всеволод-младший удивлённо осматривался в пустой комнате, скупой освещённой висевшей над столом керосиновой лампой, которую зажёл отец, а затем спросил:

– Бать, а они что, все так живут? Бедновато как-то...

Отец усмехнулся:

– М-да уж, небогато. И знаешь, что удивительно: Гражданская война уже семь лет как кончилась, в стране – тишь-гладь да божья благодать, ни голода, ни разрухи же во время войны не было, а после войны – ни бандитов, ни мятежей, ибо все – сознательные. И чего это они без шкафов, без люстры, без радиолы? Сам не пойму.

¹⁸ Известная фраза из шуточной песни Леонида Утесова «Извозчик».

Сын покраснел. Как-то в голову не пришло, что страна только-только подниматься стала, причём не то что с колен, а после здорового нокаута. Он ещё раз осмотрелся:

– Слушай, папаны, так выходит, что они богато живут?

– Ну богато – не богато, но с достатком. Хозяин извозом промышляет, супруга дом и жильцов содержит – зарабатывают нормально.

На этом месте его прервала хозяйка, внесшая в комнату самовар. Следом за ней вошли две молодые женщины, оказалось – хозяйские невестки. Сноровисто застелили стол чистыми газетами и расставили посуду: миску с кашей, глиняную крынку с молоком, доску с крупно нарезанным хлебом и два гранёных стакана под чай. Пожелали всем доброй ночи и удалились. Волковы принялись за ужин.

После еды, когда хозяйки убрали посуду, младший Всеволод собирался завалиться спать, но старший остановил его:

– Слушай, нам тут бы с бумажками поколдовать надо. Давай-ка, присоединяйся.

– С какими бумажками? Ты ж говорил, что документы не нужны.

– Ну не нужны-то не нужны, да только не все и не совсем. Присаживайся и вот на этих газетах трофейную ручку распиши.

Парень энергично принялся за дело, и вскоре свободные от текста поля покрыли прихотливые завитушки.

– Всё, расписал.

Отец буркнул себе под нос «отлично», вытащил из пачки справок сперва одну, потом вторую и принялся их аккуратно заполнять, стараясь выписывать каждую букву с разным нажимом пера.

– Это чего? – поинтересовался сын, заглядывая ему через плечо.

– Учётная карточка члена Партии... – ответил Волков-старший и попросил: – Не мешай, а?

Младший замер на время, но, когда работа закончилась, снова спросил:

– А партбилет где возьмёшь?

– А партбилет мне выдадут. Разумеется, сперва холку намылят за утерю партбилета, а потом выдадут. А тебе точно так же – кимовский...

– Какой-какой?

– КИМ – Коммунистический интернационал молодёжи, знать надо.

– Ну теперь буду...

– Вот и будь. Кстати, чтобы ты знал: мы приехали из-под Благовещенска. Вот справка, что я был там директором школы, а ты её, соответственно, закончил.

– А чего я ещё три года делал?

– А ничего. Там такое творилось, что ты только в двадцать втором в школу пошёл. Но, хотя ты и много знаешь о Дальнем Востоке, я тебя очень прошу: трепись поменьше. Упирай на то, что вспоминать тяжело, понял?

– Понял... Ну что? Спать-то сегодня будем?

Отец засмеялся, встал, потянулся, разминая плечи и, прикрутив фитиль, потушил лампу...

* * *

Следующее утро принесло новые проблемы и новые открытия. Во-первых, в полный рост встал вопрос бритья. Волков-старший брился клинковой бритвой, полученной в подарок от своего деда, и за двадцать лет успел набить руку. Но у младшего Волкова, несмотря на крепкие нервы и службу в не самом спокойном регионе России, от одной только мысли о бритье этим «орудием убийства» только что в глазах не темнело.

Младший Всеволод сидел у стола и с содроганием следил за тем, как отец ловко орудует блестящим лезвием, обрабатывая верхнюю губу. Вот исчезли последние следы пены, и Всеволод-старший удовлетворённо провёл по коже пальцами, определяя чистоту бритья. Судя по всему, он остался доволен.

– Папаны...

– Чего тебе, отрок?

Волков-младший потёр щетинистую щеку и жалобно попросил:

– Побрей меня, а?

Тот поперхнулся от неожиданности и вылупил глаза:

– Чего?! В каком это смысле?

– Ну в прямом, – младший посмотрел на свежевыбритую голову отца, потом снова потёр свою щеку с почти недельной щетиной. – Не могу я так ходить.

Отец критически оглядел сына и вздохнул:

– М-да, уж... Видок у тебя... С учётом одежды – шпана одесская.

– Не понял? А с одеждой что не так? – Всеволод-младший сперва тщательно осмотрел себя, потом отца и повторил – Чего у нас ещё не слава богу?

Старший лишь хмыкнул. Ниже пояса Волковы были одеты практически согласно местной моде. Ну почти: трофейные сапоги и галифе не особенно бросались в глаза – тут многие ходили так же. Но вот выше пояса... Выше пояса имелись летние тельняшки, разве что у старшего она была морская, а у младшего – десантная, обнажавшие мышцы на руках, и чётко прорисовывавшие рельеф груди и подтянутых животов. Словом, оба выглядели довольно импозантно, но... по меркам двадцать первого века. Или хотя бы конца двадцатого, но вот в местную моду они ну никак не вписывались.

– Видишь ли, сын, сейчас тельняшка, если не в комплекте с морской формой, – признак мелкой уголовщины. Блатата эдакая... – отец помолчал, а потом продолжил: – Но мы и на блатных не тянем – татуировок-то нет. Вот и выходит, что мы то ли неправильные блатные, то ли психи из местного дурдома на прогулке.

– Папаны, а мы поверх плащи наденем, вот и сойдёт, – легкомысленно предложил сын.

– Не сойдёт, – покачал головой тот. – Из-под плащей всё равно торчать будет. Так, – хлопнул он ладонью по столу. – Сейчас первым делом – одежду прикупить. Иначе мы тут так засветимся, что потом триста лет не отмоемся. Замучаемся в ГПУ объясняться, откуда мы такие красивые взяли.

– А побриться?

– Я тебе что – тупейный художник¹⁹? Вот переоденемся, зайдёшь в парикмахерскую и побреешься. А я не возьмусь. Я только себя брить умею... – тут он усмехнулся: – Помнишь, как я тебя стриг? И что из этого вышло?

Волков-младший рассмеялся. Когда-то, очень давно, вскоре после смерти матери, отец, уступив настойчивым просьбам сына, попытался его постричь. После этой чудесной стрижки весь остаток учебного года Всеволод выглядел так, словно переболел стригущим лишаем.

– Так что, – закончил отец, – сейчас позавтракаем и поедем сперва не на вокзал, а на толкучку. Там что-нибудь себе подберём.

За завтраком, состоявшим из гороховой каши с солёной озёрной рыбой, произошло странное событие. Шустро орудуя ложкой, отправляя в рот то сладковатое гороховое пюре, то вкусные кусочки ряпушки, Всеволод-младший заметил, что отец почему-то перестал жевать и застыл с каким-то отсутствующим видом. Парень хорошо знал, что отец ведёт себя так, когда вспоминает нечто важное или ему вдруг приходит в голову неожиданная мысль, а потому настороженно спросил:

¹⁹ Устаревшее название парикмахера, позаимствованное Волковым-старшим из одноименного рассказа Николая Лескова.

– Чего такое, бать? Вспомнилось чего?

Волков-старший никак не отреагировал, и лишь когда сын в четвёртый раз повторил свой вопрос, ответил:

– Да нет, сын, ничего такого... Вот, зацепился глазом, – он ткнул пальцем в газетный лист, постеленный на стол. – Понимаешь, тут написано, как в Москве встречают делегацию Японской компартии. Причём сказано, что это очередной визит. **ОЧЕРЕДНОЙ**, понимаешь? – И он замотал головой, словно отгоняя какой-то морок.

– И что? – младший явно не понимал, что в этом обычном сообщении могло так насторожить отца. – Ну встретили и встретили. Сейчас же в Союзе со всеми компартиями дружат, нет?

– Верно, дружат, – кивнул головой старший Всеволод. – Вот только я что-то никогда ни о чём подобном о японских товарищах не слыхал... Впрочем...

Он так и не договорил, а, пожав плечами, снова принялся за еду. Всеволод-младший тоже пожал плечами и вскоре забыл о странном поведении отца, который, кажется, и сам не обратил внимания на эту статью. Как выяснилось в дальнейшем, зря.

Позавтракав и расплатившись за стол и кров, Волковы отправились на рынок. Фёдор Степанович предлагал им оставить вещи, чтобы не таскаться нагруженными, но пришельцы из будущего отказались. И вовсе не потому, что не доверяли – нет! Просто не хотели стеснять чужого человека.

Извозчик подвёз их к рынку, порадовал сообщением, что сегодня «аккурат день базарный», и распрощался, наказав, однако, что если Волковы сегодня не уедут из города, ночевать приходили б снова к нему, комната, мол, их «завсегда ждать-от станет». Распрощавшись с гостеприимным хозяином, Волковы бодро зашагали вдоль рядов с разнообразной снедью, не слушая зазывных воплей продавцов и уверенно держа курс к вещевой торговле. И вскоре уже оказались в самой гуще толпы расхваливающих товар, примеряющих, яростно торгующихся и просто глазающих людей. Отца и сына бесцеремонно хватали за плащи, предлагая то патефон, то оцинкованное корыто, то штуку сукна, а один продавец, чуть понизив голос, предложил им приобрести «Наган».

– Рижский рынок²⁰, – хмыкнул Волков-старший, яростно проталкиваясь туда, где по определению Волкова-младшего шла бойкая торговля «секонд-хэндом».

Их толкали, крыли матом, но отец и сын все же пробились к цели и буквально через полчаса оказались обладателями вполне приличных вещей. Старший щеголял теперь в несколько поношенном, но вполне крепком защитном френче и лёгкой матерчатой фуражке, а Всеволод-младший, заметив, что они как-то уж очень ударились в стиль милитари, оказался облачен в новенькую гимнастёрку, которую перехватил извлечённым из вещмешка собственным офицерским ремнём.

Кроме того, отец приобрёл безопасный бритвенный станок и десяток лезвий. «Вряд ли ты собираешься каждое утро в парикмахерскую бегать, – сообщил он сыну, разглядывающему покупку. – А бороды тут носить не принято. Во всяком случае – в твоём возрасте».

Они уже уходили с рынка: одежду на смену было решено купить в магазине, когда к младшему Всеволоду бросился какой-то помятый, благоухающий могучим перегаром мужичок из серии «сильно болевший в детстве гном». Он нахлобучил на парня какую-то не то каскетку, не то кепи и заорал:

– Бери, паря! На тебя-от шита!

²⁰ Р и ж с к и й (К р е с т о в с к и й) р ы н о к – рынок в Москве, расположен на проспекте Мира, рядом со станцией метро «Рижская» и напротив Рижского вокзала. Получил известность в конце 80-х годов XX века как центр зарождающегося кооперативного движения.

Волков-младший не успел ничего сказать, как отец, бросив: «А что? Неплохо», – выдал мужичку вожделенные три рубля. Сын снял с головы странный головной убор, повертел в руках и вдруг удивлённо выдал:

– Бать, а кепарик-то японский. Причём армейский. Видишь иероглифы? – и он показал на изнанку каскетки. – И написано тут, что это военный заказ.

Старший Волков ничуть не удивился тому, что сын с лёту прочитал надпись на японском. Парню повезло: его бабушка знала несколько языков и активно занималась с внуком, так что к восемнадцати годам парень владел английским и японским, причём на очень приличном уровне. Отец тоже знал два языка, вот только, кроме английского, он свободно говорил, читал и писал на сербском. Но то, что головной убор оказался японским, старшего Всеволода удивило. И весьма удивило.

Ловить продавца и расспрашивать о происхождении японской каскетки было бессмысленно: отец и сын его и не разглядели как следует. Так что они просто занесли этот факт в разряд «удивительное рядом» и двинулись за дальнейшими покупками.

В магазине готовой одежды Всеволод-младший пожелал приобрести себе пару рубашек. Он внимательно разглядывал лежащие на прилавке сорочки – даже пощупал несколько! – и убедился, что сшиты они из натурального шелка. А уж узнав цену, оказавшуюся значительно ниже ожидаемой, окончательно решил брать, как вдруг...

Интерлюдия

Случай, произошедший в лавке рабочей кооперации, рассказанный в пивной.

Я, граждане, продавцом служу. Не у частника-эксплотатора, а в самом что ни на есть Церабкоопе²¹. Готовой одеждой торгуем. Работа вроде как и не тяжёлая, да только не сказать, чтобы и вовсе плёвая: покупатель – он ведь разный бывает. Иной придёт и давай из тебя жилы на кулак мотать: то ему не так, это ему не эдак, да вот подай ему такой же, но чтобы пуговицы не роговые, а с перламутру. Всякое бывает. Да вот хоть последний случай взять.

Выходной день шестидневки, он ведь не для всех, граждане, выходной: кому-то и работать в самый выходной приходится. Вот и наш брат продавец, почитай, раз в месяц обязательно в выходной на работе окажется. Ну да разговор не об том.

С раннего утра у нас главный наплыв был: макинтоши привезли, да не абы какие – японские! А это: качество – раз! Сноса не будет! Цена – два! Чуть не вдвое дешевле, чем ежели у частника брать! Да вот, сами взгляните: у меня как раз такой макинтошик. А? Каково? То-то...

Только всех макинтошей у нас восемь штук всего-то и было. А народ – несознательный, я ж русским языком всем говорю: не стойте, мол, восемь макинтошей, восемь! И больше их не будет. Нет, куда там! Толпятся, руками размахивают, толкаются, галдят... Только к полудню разошлись, видно, осознали наконец: кончился японский товар, и кто, значит, не успел, тот, сами понимаете, опоздал.

А после народу вовсе не стало. Дело-то уже к обеду – никого. Словно как дверь у нас закрыта. Мыслью я: дайкось чайку себе соображу, что ли. Да только встал, чтобы, значит, за чайничком, ан глядь – двери нараспашку, и входят двое.

Первый, стал быть, – солидный, верно – партийный али с ГПУ. Весь из себя такой бритый, во френче. А второй... Глянул я на второго да так и обмер. Варнак каторжный, братцы мои, чисто каторжный. Морда небрита, сам в гимнастерке, здоровуший, и глазами только по сторонам зырк-зырк. Зырк-зырк. Тут я и смекаю: не иначе как смотрит, варначья душа, что бы, значит, стибрить.

²¹ Центральный рабочий кооператив – многолавочный кооператив, имеющий целью обслуживать потребительские нужды рабочего населения данной местности.

Я-то сперва оробел, а потом пригляделся... Что за наваждение?! Варнак-то на солидного оченно похож. Пока соображал, что за притча такая, слышу: партеец этого варнака сыном кличет. От ведь как оно бывает: сын такого человека – и по кривой дорожке пошёл!

Пожалел я отца, и вежливо его так спрашиваю: чего, мол изволите? А он мне и отвечает: вы, товарищ, не утруждайте себя, мы, мол, сами сейчас посмотрим, выберем, чего надо. А коли в чём понятия не сыщем – вот тогда вас помочь и попросим. И вежливо так. Понимает, что продавец – тоже человек.

Ну что ж, думаю: хотите смотреть сами – смотрите на здоровье. Чай, не буржуазные времена, за погляд денег брать никто не станет. Солидный мне кивнул да и пошёл, где пиджаки висят. А сын его на брюки штучные прицелился. Одни посмотрел – коротки. Другие к себе приложил – широки. Так все и перебрал, но пару все же выбрал. Хорошие брюки, чистая шерсть. Хотел я ему сказать, что, мол, постыдился бы, варначья твоя душа, батюшку-то в разоренье такое вводить, да потом подумал: дело-то вовсе не моё, так чего мне к ним лезть. Кто его знает, чего там меж ними быть могло?

А молодец тем временем к сорочкам только не вприпрыжку. Сорочки те, граждане, самые лучшие, из японского шелка. Он их и давай щупать, да мять, да разглядывать. Только что на зуб не пробует. Цену у меня спросил, и вроде вежливо так, вроде все как надо. Сказал я ему цены, а сам думаю: куда тебе, вахлаку, сорочку шёлковую? Ты ж, верно, таких не то, что не нашивал – не видывал. А он, значит, опять их перебирает, а потом и спрашивает у меня, да громко так:

– Уважаемый, а небракованных рубашек у вас нет?

Я так и сел.

– А в чём дело? – интересуюсь. – Где вы брак нашли, гражданин?

А он мне только что не в нос сорочку:

– Да вот же, – и пальцем тычет. – Пуговицы на обшлага Пушкин пришивать будет?

Где ж это видано, думаю, чтобы у шёлковой сорочки на обшлагах пуговицы были?

– Вы что, гражданин? – спрашиваю. А потом вежливо интересуюсь: – Пьяный вы, что ли?

Тут он как рывкнет на меня, я аж присел.

– Чего? Ты, что, жулье, обурел вконец? Куда пуговицы с обшлага девал, дебил неоприходованный! Вы тут что, в натуре, совсем страх потеряли?!

И дальше кричит всё такое же непонятное, но, так-то понятно, что бранное.

Обидно тут мне стало, граждане. Чего ж это он меня всякими словами лает, словно бы и не республика у нас вовсе, словно бы и власть не наша, родная, Советская, а чёрт его знает какая буржуазная?

– Не дело, – говорю, – гражданин, так выражаться в советской кооперации. Вот я сейчас милиционера позову, пускай он вам тогда объясняет: где какие пуговицы положены и почему, там, где не положено, не пришиты. Вы бы ещё на исподнем, – говорю, – пуговицы потребовали.

Только тут второй, солидный, подскочил. Цоп этого небритого за рукав, дёрнул раз, а мне, значит, вежливо так, культурно объясняет:

– Вы, дорогой гражданин, на сына моего не обижайтесь и внимания на его слова не делайте. Он у меня геолог, полезное ищет, копает, вот и в тайге совсем, значит, одичал. Забыл, стал-быть, что у сорочки обшлага запонками застёгиваются.

А сам-то сына своего за рукав снова дёрг да дёрг. Тот вроде как смутился, глаза опустил:

– Извиняюсь, – говорит. – И впрямь папенька говорят: одичал я вконец. Давно сорочек с запонками не нашивал.

А папаша евойный, который партийный, хохотнул эдак да и прикупил четыре сорочки: себе пару, да сыну столько ж, да две штуки брюк, да ещё сыну рубашку теннисную. А мне сверх цены целый полтинник оставил, вроде как – за беспокойство. Вот я с этим полтинником и пошёл пивца попить.

Вот, стал-быть, какие покупатели встречаются. Иной раз думаешь: совсем пропащенький человечешко – дрянь просто, а выходит, что и он – очень даже хорош и тебе добро сделает.

А пиво-то у меня всё. Пора до дома направлять. Благодарю за компанию, граждане...

* * *

По немощёным улицам Петрозаводска шагали двое. Молча. Долго.

Наконец младший Волков не выдержал:

– Папаны, ну ты чего, в самом деле? Ну я ж реально про эти запонки понятия не имел!

Старший Волков остановился, посмотрел на сына и вздохнул:

– Вот примерно поэтому я тебе и говорил: молчи. Если что-то непонятно – сперва спроси у меня. Хорошо, что мы вдвоём были, а если б ты один вот так же пошёл? Спалился бы на раз, мяукнуть бы не успел!

Парень опустил голову и виновато молчал. Отец хлопнул его по плечу, принимая раскаяние и показывая, что больше не сердится и не считает нужным вспоминать об этом инциденте.

– Ладно, мелкий. Проехали. Пошли: сперва тебя побреем и – на вокзал: пора билеты на поезд брать.

И они пошли. Из парикмахерской Всеволод-младший вышел чисто выбритым, но благоухая странным, несколько не мужским ароматом. Отец принялся и поинтересовался: чем его освежали? Сын зло сплюнул и ответил, что вместо фирменного одеколona петрозаводский Фигаро воспользовался продукцией местных кустарей «Восторг. Вода ландышовая. Настойка на спирту». И прежде чем парень успел воспрепятствовать, он уже весь оказался в «ландышах на спирту». Волков-старший хмыкнул и спросил: «Парикмахер жив?» Выяснив, что брадобрей не лежит у своего рабочего места с горлом, перехваченным собственной же бритвой, он махнул рукой:

– Чёрт с ним. Эта фиговина скоро выветрится. Пошли за билетами. Нам бы сегодня неплохо уехать, а то мы тут светимся, как три тополя на Плющихе.

Но выяснилось, что уехать Волковым не судьба. Ни сегодня, ни завтра. Все билеты на Ленинград оказались проданы на неделю вперёд. Кассир, оглядев Волкова-старшего, его защитный френч и матерчатую фуражку, подался вперёд и угодливо шепнул: «Вы, товарищ, в Наркомат свой молнируйте, чтобы требование на вас прислали. Тоже пусть молнией. Тогда бронь снимем...» – и указал, в какой стороне расположилось почтовое отделение.

Отец и сын отошли в сторону и погрузились в тяжёлые раздумья. Поезд, похоже, отменяется: «молнировать» им некуда, а торчать здесь целую неделю... Нет, не то чтобы рискованно, но все равно: лишнее внимание они к себе привлекут. А вот именно этого ну совершенно не хочется...

– А по озеру на лодке? – вдруг спросил Волков-младший.

Волков-старший поднял голову и оглядел сына так, словно увидел его впервые.

– Сказать, что ты гений, Севка, значит вообще ничего не сказать. Конечно же, по озеру. Только не на лодке, – он усмехнулся. – Наверняка тут пароходы имеются. И ходят они едва ли не чаще, чем поезда. Молоток! – старший Всеволод хлопнул младшего по плечу: – Пошли на речной вокзал!

Но оказалось, что никакого речного, а точнее – водного вокзала в Петрозаводске не имеется. Общественная пристань, построенная ещё во времена Александра Освободителя, спасательная станция с кучей лодок – вот, собственно, и всё. И билетов на Ленинград тоже не имелось.

Волковы уже собирались впасть в отчаяние, и всерьёз рассмотреть предложение младшего о путешествии на лодке. «Двое в лодке, злых как собаки» – определил старший. Но тут кассир заметил:

– А вот, граждане, есть билеты на пароход в Ярославль. Завтра поутру отходит... – он понимающе подмигнул. – Если уж так невтерпёж уехать, так езжайте до Рыбинска. Оттуда уж всяко-разно уехать попроще, чем из наших-то палестин...

Младший Всеволод хотел было что-то спросить, но вовремя раздумал, старший же задумался на миг, а потом тряхнул головой:

– Давайте до Рыбинска. Два.

– Первый класс прикажете?

Волков-старший чуть нахмурился: резануло слух словечко «прикажете». «Старорежимное какое-то», – подумал он, но кивнул и достал деньги. Первый класс оказался вовсе недешёвым: два билета обошлись в семьдесят четыре рубля. «А небольшая зарплата сейчас – сорок пять рублей!» – пробурчал про себя старший Всеволод, вспомнив читанные романы и повести, описывавшие это время. Он спрятал билеты в нагрудный карман и повернулся к сыну:

– Пошли, мелкий. Поищем, где перекусить, подумаем, чем себя до утра занять... – и, понизив голос, закончил: – Ты, вижу, спросить что-то хочешь. Валяй. Если знаю – отвечу.

– Батя, а что с Онежского озера в Рыбинск попасть можно? – шепотом поинтересовался сын.

– Можно. Система Мариинских каналов, – кивнул головой тот и коротенько рассказал историю каналов Волго-Балта.

Так, беседуя, они шагали по набережной, по проспекту Карла Маркса, затем свернули – просто так, по наитию, и вскоре оказались на Сенной площади. Полюбовались на непонятные руины какого-то круглого сооружения и долго соображали, что это перед ними: часовня или пивной ларёк? Заинтересовавшись, Волковы не поленились спросить у местного жителя, что же это такое, а потом долго хохотали, услышав неожиданный ответ: «Карусель!»

Напротив останков карусели обнаружился частный ресторан, в котором они и пообедали. Меню и мастерство шеф-повара были вне конкуренции, но, как оказалось в дальнейшем, цена – тоже. Прочитав итоговую сумму счета, Всеволод-старший крикнул, а Всеволод-младший округлил глаза и только протянул: «У-у-у-у-у-, б...ь...» Обед обошёлся Волковым в добрых пятнадцать рублей. Тут же оба вспомнили, сколько стоили ночлег, стол и услуги извозчика все вместе, и отец согласился с сыном, заметив: «Действительно, б...ь...»

Волковы вышли из ресторана вполне удовлетворённые желудочно, но с чувством глубокого морального неудовлетворения, которое значительно углубилось буквально через пять минут. Проходя мимо небольшой чайной, они услышали возглас одного из посетителей, оккупировавших летнюю открытую веранду: «Рыбки жареной на двугривенный!» Отец и сын чуть не упали, увидев, что крикун шествует к столику, неся тарелку, на которой возвышалась целая гора рыбы. Всеволод-младший с трудом оторвался от созерцания счастливого рыбоеда и перевёл укоризненный взор на старшего. Тот только смущённо кашлянул, слегка покраснел и пробормотал; «И на старуху бывает проруха, как сказала польская красавица Инга Зайонц через месяц после свадьбы с другом моего детства Колей Остен-Бакеном»²². И тут же принялся перечислять варианты убивания времени до отправления парохода.

Идея посидеть в пивной или чайной отклика не встретила: оба были сыты. Шляться по городу не хотелось от слова «совсем», гулять в местных парках – тоже. Ведь чёрт его знает, на какую пьяную компанию можно налететь вечером выходного дня. А конфликты с местной шпаной и отцом, и сыном были признаны делом хоть и не особо опасным, но совершенно не подходящим для пришельцев из будущего. И тогда отец предложил сходить в театр. Сын подумал и согласился, присовокупив, однако, что лично он сомневается в наличии театра в Петрозаводске образца двадцать девятого года двадцатого века.

²² И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок»

К его удивлению, театр имелся. Причём, как пояснил словоохотливый билетёр, существовал он аж с тринадцатого года. Но вот билетов на спектакль...

– Папаны, у меня складывается ощущение, что они тут всем городом идут в театр, а потом сваливают в Питер, – заметил сын и вздохнул: – Чёртовы театралы! Ну и чего тогда делать будем?

«Дело», как ни странно, нашлось быстро: в крыле здания театра разместился кинотеатр «Триумф».

И хотя Волковы были невысокого мнения о немом кинематографе, но, как сказал младший: «На безрыбье и рыбу раком», – и они купили билеты на фильм Александра Довженко «Арсенал». Волков-старший тут же рассказал сыну, что сам Довженко, будучи рядовым армии УНР, принимал участие в штурме того самого завода «Арсенал», о котором потом снял фильм.

– И вообще Довженко был тот ещё националист! – закончил Волков-старший свою гневную филиппику.

– А теперь, значит, перековался? – спросил вдруг парень в смазанных сапогах и лихо надвинутым картузе, который внимательно прислушивался к беседе отца и сына.

Волковы дружно повернулись к неожиданному собеседнику. Младший оценивающе оглядел крепкие плечи и серьёзные кулаки парня, с удовлетворением отметил, что сам-то он и в плечах пошире, и мускулы покрепче, да и кулаки – побольше. «Если этого гаврика гасить придётся – проблем он нам не нарисует!» – успокоил себя Всеволод. Старший же Волков в первую очередь обратил внимание на кимовский значок на груди парня. Это его и обрадовало, и огорчило одновременно, поэтому отвечать он начал, тщательно подбирая слова:

– Нет, не перековался. Как мне кажется, националист вообще не может перековаться до конца. Косвенным подтверждением этому может служить то, что Партия в которую вступал Довженко, – не большевистская, а это были так называемые боротьбисты. Вам знакомо это название, товарищ?

Кимовец кивнул, но добавил, что о боротьбистах он знает очень мало. Волков-старший и сам знал об этом эсеровском течении не очень много, но, как мог, поведал сыну и новому знакомцу об истории эсеровского движения на Украине.

– ...и из Партии его очень правильно исключили. Вообще-то лично мне как-то не очень нравится, что боротьбисты, а проще говоря, – националисты прорвались на Украине на руководящие должности, м-да... Однако вынужден признать, что теперь национализм Довженко стал, так сказать, градусом пониже. Впрочем, зараза эта из него так до самой смерти до конца и не выйдет... – тут он спохватился и быстро добавил: – Во всяком случае так многие считают...

Кимовец помолчал, потом, утвердительно тряхнув головой, заметил, что, конечно, в Москве о таких вещах лучше знают. Поблагодарил за интересный рассказ и отошёл к группе своих товарищей. Только тогда Волков-старший перевёл дух и вытер слегка вспотевший лоб.

– Что, папаны, теперь ты прокололся? – усмехнулся сын.

– Да уж... – отец снова вытер лоб. – Что есть, то есть. Прокололся по полной программе. Ну, значит, мне наука будет: особо не болтать, а если уж надо что-то рассказать, так делать это не в полный голос.

И Волковы негромко, но весело рассмеялись.

В кинотеатре билеты оказались без мест: куда сесть успел, там и место твоё. Несмотря на то, что оба Всеволода курили, им не глянулась привычка курить прямо в закрытом наглухо кинозале. Старший и младший, переглянувшись, в унисон произнесли: «Газовая камера». После чего снова рассмеялись, правда, уже не так весело.

Зал постепенно наполнялся. Началась толкотня, где-то вспыхнула словесная перепалка, а кому-то, судя по воплям, дали по шее. Зрители вели себя удивительно непринуждённо: грызли конфеты, курили, кое-где попивали пиво из бутылок. И буквально все лузгали семечки, сплёвывая шелуху куда придётся. Младший Волков дважды взглянул на своих соседей – приблат-

нённого вида парня и его размалёванную спутницу, наводившую на мысль о взрыве на складе лакокрасочных материалов, и честно предупредил обоих, что если они ещё раз плюнут ему на сапог, то он свою обувь вытрет об их морды. Без учёта гендерных различий.

Блатной лениво процедил адрес, куда, по его мнению, должен отправляться Всеволод-младший со своими желаниями, и принялся вставать, дабы объясниться прямо тут, на месте, но почти двухметровый Волков-младший успел подняться первым и прижал блатняшку за плечи к сидению:

– Слушай меня внимательно, козёл! Если только рыпнешься, тебя из озера вылавливать замучаются! Я понятно говорю? – тут он обернулся к даме, собиравшейся, видимо, завизжать, и рыкнул: – Команды «Голос» не было!

Выслушав эту выдающуюся речь, кавалер, что называется, «сбледнул с лица», а на его спутницу напала нервическая икота. Не удивительно, что после того, как приблатнённого отпустили могучие длани гостя из будущего, парочка стартовала вертикально, как космический корабль «Союз», и растворилась в неизвестности. На освободившиеся места тут же протолкнулись две девицы в цветастых ситцевых платьях. Обе стрельнули глазами в сторону здоровяка, наведшего порядок и освободившего для них места, после чего та, что сидела ближе к парню, извлекла бумажный кулёк и протянула его младшему Волкову:

– Хотите?

Всеволод глянул в кулёк, обнаружил там какие-то странные конфеты и с сомнением вытащил одну. На вкус она оказалась симбиозом тянучки и мятного леденца, так что особого впечатления на парня не произвела. В свою очередь он достал из сидора, стоявшего в ногах, шоколадку. Разумеется, местную, купленную так, на всякий случай.

Этот подарок произвёл на девушек такое впечатление, что они тут же кинулись знакомиться с таким интересным, симпатичным и правильным товарищем, который «понимает, чего девушкам надо». Тем временем в зале погас свет, застрекотал проектор, и на экране появилось название «Сов-киножурнал».

Но девушкам журнал был явно неинтересен. Они уже успели представиться, выяснили имя Всеволода и теперь приставали к нему с какими-то пустяками, в которых явно прослеживались намёки, да и намётки на продолжение такого интересного знакомства. Болтовня становилась все оживлённее, и парень почти совсем не смотрел на экран, не то что по сторонам, как вдруг...

Отец резко стиснул руку сына и развернул его к экрану. Там под бодрый наигрыш тапёра какие-то люди азиатской наружности трясли руки каким-то людям европейского вида. Тут же возникли титры:

Встреча представителей Социалистической Народной Японской Империи в Кремле.

Новые кадры: те же азиаты сидят за столом и что-то бурно обсуждают с не-азиатами. Всеволод узнал двоих не-азиатов: Сталин и Будённый. Кроме них, были ещё какие-то люди, которые о чём-то говорили, но вот снова возникли титры:

По поручению Товарища Его Божественного Величества, Коммунистического Императора Японии, члены Японского Правительства передают руководителям Партии и Правительства СССР проект второй части Договора о Содружестве и Взаимопомощи.

Всеволод перевёл взгляд на отца. Тот сидел, не шевелясь, словно окаменев, и смотрел на экран с таким выражением... таким выражением... Он не знал, как его определить, но вдруг вспомнил, как в восемь лет впервые увидел гадюку. Тогда он тоже замер и, наверное, вот также смотрел на длинную, серо-чёрную змею.

Киножурнал закончился, и начался фильм, но отец поднялся и потащил сына за собой, бросив лишь: «Вещи не забудь». Они молча прошли к выходу, также молча покинули здание театра и двинулись к пристани.

Наконец младший рискнул нарушить молчание:

– Папань, ну ты чего? Чего стряслось-то?

Старший остановился и оглядел сына долгим, каким-то тягучим и тянущим взглядом.

– Ничего не случилось, – ответил он неестественно ровным голосом. – Совсем ничего. Просто мы с тобой оказались в какой-то параллельной реальности, об истории которой я не имею ни малейшего представления. И о том, что теперь нам делать дальше – тоже...

С этими словами он отвернулся и пошел, бормоча себе под нос: «Товарищ Его Божественное Величество Коммунистический Император. Каково, а?»

Глава 4

История была прищипорена, история понеслась вскачь, звеня золотыми подковами по черепам дураков.

А.Н. Толстой «Гиперболоид инженера Гарина»

Пароход «Свердлов» густо дымил и весело шлёпал плицами гребных колёс по глади Онежского озера. На палубе было людно: многие пассажиры купили билеты без места, так что теперь они сидели или лежали где придётся. Некоторые, развязав узелки с немудрыми харчами, с аппетитом закусывали, а кое-где исподтишка уже плескали в жестяные кружки первачок.

Отдельно от этой толпы, на самом носу парохода, стояли двое: крепкий мужчина средних лет во френче, с непокрытой бритой наголо головой, и высокий парень в гимнастёрке и японской командирской каскетке. Старший стоял неподвижно и молча смотрел на бегущую вдоль бортов воду, а младший всё переминался с ноги на ногу и то склонялся вперёд, то, наоборот, откидывался назад, стараясь заглянуть в лицо своего спутника.

Разумеется, это были Волковы. Всеволод-старший сперва сидел в каюте, недвижимый и безучастный ко всему, словно Будда, а когда Всеволод-младший попытался его расшевелить, вышел на палубу. Сын всерьёз опасался за душевное здоровье отца: в таком состоянии он видел его только один раз, на следующий день после похорон матери. Тогда старший Волков вот так же долго сидел в кресле, уставившись в одну точку, практически не реагируя ни на какие внешние раздражители.

– Папань, ну ты что? Кончай уже, – не выдержал наконец Всеволод-младший. – Очнись, давай! Чего уж так убиваться?

Старший Волков посмотрел на него задумчиво, слегка качнул головой, а потом вдруг неожиданно ответил:

– Прав ты, Севка. Хорош мне тут из себя Иова на гноище строить... – он вытащил из кармана пачку папирос, закурил. – Давай-ка думать, сын: что дальше делать будем? А то из моих идей типа прорваться к Сталину в ЦК на приём ничего не выходит. Пшик один...

Он замолчал и некоторое время сосредоточенно курил. Младший Волков тоже молчал, понимая, что ему-то уж точно предлагать нечего. Два курса химико-технологического института да два года в армии и звание сержанта – вот и все, что у него за душой имеется. И не с таким багажом лезть «поперёд батьки в пекло».

– Значит так, – произнёс Всеволод-старший, вышвырнув окурок за борт. – Предлагаю следующее. Первое: мы с тобой катимся в Ярославль. Не в Москву, а именно в Ярославль, потому как там есть нефтеперерабатывающий завод. И наверняка там нужны инженеры. Ну или хотя бы мастера. Второе: ты устраиваешься на завод вместе со мной. Напрягай свою бестолковку, вспоминай всё, что освоил за два курса, – авось кем повыше, чем разнорабочим-подсобником, возьмут... – он чуть расправил плечи и снова стал таким, каким сын привык его видеть: сильным, умным, уверенным в себе. – Дальше. Я прорываюсь в Партию, ты – в комсомол. Без этого нам хреново будет, точно знаю. Жильё на первое время снимать будем, потом попробуем квартиру выбить. И будем активно пробивать наши технические знания. Правда, – плечи снова поникли, – не так уж у нас их и много...

– Чего это – немного? – вскинулся было сын, но тут же понял. Мало знать, что есть компьютер или реактивный самолёт, надо ещё уметь их сделать, а вот этого-то они и не умели.

Отец проследил за сменой выражений на лице сына и кивнул: понял. А затем, чуть приобняв младшего Волкова за плечи, проговорил негромко:

– Ещё бы понять, чего это у них тут произошло? Нет, читал я, что Коммунистическая партия в Японии была ого-го! И с полицией дрались, и чуть не тысячами их клали, и даже целый принц у них в Партии состоял, но вроде бы всё это позже было. Позже...

Небольшое отступление

Экскурс в прошлое.

В 1911 году, в год Металлической Свиньи – 48-й год по китайскому шестидесятилетнему циклу, началось восстание солдат в китайском городе Учан. Четыре тысячи солдат из сапёрного батальона, двух пехотных полков и артиллерийского дивизиона захватили Учан, а потом и всю провинцию Хубэй. Во главе восставших встал генерал Ли Юаньхун.

Восстание стремительно расширялось. От императорского Пекина, который надоел всем китайцам хуже горькой редьки, отпадали одна провинция за другой. Попытка императорского правительства подавить восстание силой не привела ни к чему хорошему: назначенный командующим правительственными войсками генерал Юань Шикай был и сам не прочь примерить на себя если не императорскую корону, то уж как минимум президентские регалии, и вместо борьбы с бунтовщиками начал яростную торговлю с ними за преференции при возможном республиканском строе.

Поскольку торг с Юань Шикаем затягивался, делегаты решили надавить на генерала и выдвинуть в качестве противовеса ему политическую фигуру крайне левого толка, а именно Сунь Ятсена, как раз вернувшегося в Китай из-за границы. В декабре 1911 года республиканская конференция в Нанкине абсолютным большинством голосов избрала его временным президентом. Но в тот момент, когда новый президент вышел на улицу, дабы поприветствовать народ и принять поздравления, произошло невероятное...

* * *

Будущее. Далёкое или не очень.

Два человека стояли возле огромного трёхмерного экрана и не отрываясь следили за разворачивающимся там действием. На экране шли похороны. Причём в далёкой древности.

– Обратите внимание, коллега, на головные уборы воинов. Вот совершенно точное доказательство вашей гипотезы, что шапки подобного типа скифы использовали лишь в ритуальных целях.

– Да-да, друг мой. Это замечательно, что вам удалось получить такой прекрасный материал. То-то наши оппоненты теперь взвоятся. Однако было бы просто великолепно, если бы нам ещё удалось взять и материальные доказательства нашей с вами правоты.

– Ну давайте попробуем.

Один из стоявших склонился над пультом. Его пальцы быстро и ловко, точно у пианиста-виртуоза, побежали по клавишам. На экране возникли цветные полупрозрачные струи, явно невидимые тем, кто продолжал печальный обряд. Струи сплетались, переплетались, охватывали предметы, которые скифы опускали в могильник, и в верхнем углу экрана появлялись одна за другой строчки параметров той или иной вещи и её порядковый номер.

Так прошло несколько часов, в течение которых учёные из будущего неотрывно следили за происходившим в далёком прошлом. Но вот наконец был принесён в жертву последний конь, последний раб, последний бык. Под грохот барабанов погребальную камеру закрыли подготовленными брёвнами, и началась отсыпка кургана.

– Итак, друг мой, что же мы с вами возьмём?

– Я предлагаю номера 2, 6, 7, 9, 13, 14, 17, 18, 21, 23, 24, 33 и 35.

– Ну-у, этого маловато. Предлагаю дополнить список номерами 7, 8, 11, 19, 27, 28, 34 и 39.

– Но энергия... Послушайте, коллега, ведь в таком случае появляется вероятность потери при переносе. Энергия на пределе, вы же видите!

– А давайте всё же рискнём! Как говорили в прошлом: «Риск – благородное дело!»

– Я всё же предлагаю проверить расчётом, – и один из учёных снова склонился над пультом.

– И что же у вас получилось? Э-э, батенька, да вероятность потери не превышает и одного килограмма. Итак?

– Ну что с вами поделаешь, коллега? Ладно, давайте. В случае чего отвечать будем вместе, – и ловкая рука бестрепетно набрала на пульте короткую команду.

Помещение заполнил низкий вой. Постепенно тембр звука начал повышаться, вой становился нестерпимым. Оба надели защитные наушники.

Ярко-зелёная вспышка, ещё одна, ещё... Внезапно полыхнуло красным, но только раз, и вспышки снова стали зелёными...

Яркие сполохи прекратились, вой начал стихать, оба сняли наушники и кинулись к экрану.

– И что же мы потеряли, коллега?

– М-да, одна потеря, но очень обидная. Золотая фигурка кабана. Сто шестьдесят три грамма.

– Странно, неужели столь малую массу и не вытянуло?

– Увы! Слишком высокая плотность.

Вздых, исполненный благородной грусти:

– Да, жаль... Взгляните, где мы её потеряли?

– Самый конец одиннадцатого года двадцатого века.

Ещё один вздох, а потом неожиданно – светлая, весёлая улыбка:

– Что ж, кого-то мы с вами облагодетельствовали. Представляете восторг аборигена двадцатого века, нашедшего свалившуюся неизвестно откуда древнюю золотую статуэтку?

– Да, это здорово! – смешок. – Что ж, незнакомый наш пращур: поздравляем тебя с большой удачей!

Экскурс в прошлое.

Перед резиденцией наместников, которую ушлые газетчики уже называли «Нанкинским президентским дворцом», ревела и волновалась толпа.

Вот распахнулись резные парадные двери, приветственный рёв достиг апогея, и во главе участников демократической конференции вышел первый в истории Китая президент – среднего роста человек, в наглухо застёгнутом френче со стоячим воротником на запонках и в лакированных китайских туфлях. Доктор Сунь Ятсен. Он приветственно поднял руку, толпа взвыла и тут же замолчала. Колыхнулись, поднимаясь, знамёна и транспаранты, и тут...

Раздался резкий звук, похожий на удар доской по бревну, и что-то блестящее мелькнуло в воздухе. Сунь Ятсен покачнулся, голову его вдруг залила кровь, и он рухнул лицом вниз на ступени дворца. Мгновение всё было тихо, а потом тишину прорезали дикие вопли, и человеческое море рванулась к нему. Соратники мгновенно окружили тело Сунь Ятсена и утащили внутрь здания, но многие из толпы рассказывали, что успели разглядеть рядом с разбитой головой первого президента маленького золотого кабана с длинным рылом и загнутыми клыками. Вскоре по всему Китаю поползли слухи, будто бы боги наказали Сунь Ятсена, обрушив ему на голову металлическую свинью в год Металлической Свиньи.

Юань Шикай пришёл к власти, но некому было создать Гоминьдан. Гражданская война в Китайской республике началась значительно позже и носила характер бандитских разборок за передел собственности и зон влияния. Так что когда в Советской России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, ни у кого и в мыслях не было помогать китайцам.

А тем временем в Японии поднимали голову коммунисты. Причём настолько активно, что в двадцать третьем году в Коммунистическую партию Японии вступил принц Императорского дома Нобухито²³.

* * *

На причале в Рыбинске Волковы кинулись было покупать газеты. Но многого почерпнуть из них не удалось: чтобы разобраться в описываемой журналистами ситуации, нужно было знать то, что произошло раньше. А вот именно об этом гости из будущего не имели ни малейшего представления.

Рыбинский порт оказался больше и куда оживлённее Петрозаводского. Отец и сын быстро разобрались, что добираться до Ярославля тоже выгоднее водой, а потому быстро приобрели билеты на рейс Рыбинск – Тутаев – Ярославль. Правда, тут же выяснился серьёзный прокол в знаниях старшего Волкова: нефтеперерабатывающий завод располагался отнюдь не в Ярославле, а в посёлке Константиновский, расположенном значительно ближе к Тутаеву. Сын удивлённо посмотрел на отца, но тот лишь пожал плечами:

– Я туда через Ярославль ездил. Там расстояние от вокзала – меньше тридцати кэмэ...

Всеволод-младший кивнул головой. Разумеется, в конце двадцатого – начале двадцать первого века тридцать километров – это меньше получаса на машине. Раз – и там. Так что нет ничего удивительного, что отец считал этот завод Ярославским. Вот только здесь... Здесь и сейчас это – увы! – совсем другое дело. Тридцать километров – никак не меньше трёх часов на извозчике. А то и все четыре.

До отправления парохода оставалось больше пяти часов, поэтому Волковы решили спокойно пообедать, а заодно и ещё раз уточнить порядок своих действий. Неподальку сыскалась забегаловка не слишком-то презентабельного вида, но запахи от неё шли просто умопомрачительные.

Они заказали по тарелке рыбацкой ухи, по куску жареной печёнки с солёными огурцами и, подумав, добавили к заказу запотевший графинчик. Обслужили их чуть ли не мгновенно. Попробовав ароматную уху, в которой встретились даже куски здоровенной стерляди, Всеволоды поняли, что не ошиблись с выбором.

– Вот что, – тихо произнёс отец, проглотив очередную ложку ухи. – Надо нам с тобой, мелкий, избавляться от всех наших... – он замялся, подбирая слово, но наконец нашёл: – От «иновременных артефактов». Я их собирался предъявлять в качестве доказательств нашего прибытия из будущего, да какие уж теперь доказательства... – и махнул рукой.

– Выбросим? – понимающе кивнул сын. И, как выяснилось, угодил пальцем в небо.

– Чего это «выбросим»? Не-е-ет, «мой мальчик, мы во весь опор будем сидеть здесь»²⁴. Мы их продадим.

– Как так? – поразился младший Волков. – Засветимся же!

– Ну и засветимся, и что? – старший Волков усмехнулся с чувством превосходства. – Думаешь, кто-то из покупателей запомнит нас так, что сможет потом подробно описать? Ага, цаз! Они ж тут в Рыбинске все как на подбор – портретисты знаменитые!

Он тихо засмеялся, и сын хихикнул вместе с ним.

²³ Принц Нобухито из линии Такамацу (1905–1987) – японский принц, младший брат императора Сёва (Хирохито). В реальной истории в 1924 году присоединился к нелегальному марксистскому кружку, действовавшему в Императорской военно-морской академии, а затем вступил в Коммунистическую партию Японии. После 1935 года отошёл от коммунистической деятельности и партийной жизни, хотя формально не вышел из рядов компартии до самой смерти.

²⁴ Цитата из романа Роберта Льюиса Стивенсона «Чёрная стрела».

– Но, а даже и запомнит кто-то глазастый и памятливым, так что с того? Откуда он узнает, куда мы делись? Тут, Севка, интернета нет и связь между городами – хреновая. А с деревнями да посёлками её и вовсе нет! Так что, – отец снова взялся за ложку, – доедаем и – на базар!

Глава 5

*Не ходи на тот конец,
Не водись с ворами,
Рыжих не воруй коней —
Скуют кандалами.*

Старинная воровская песня

Базар отыскался совсем рядом с портом. И там отец и сын почти мгновенно продали свои охотничьи костюмы. Мужичок, прибравший оба камуфляжа в свой мешок, дружелюбно хлопнул младшего Всеволода по плечу:

– Ежели ещё чего у себя на фабрике напортачите – привози. Возьмём! Прямо к нам в деревню вези – может, там не за деньги, а для своих ребят чего возьмёшь? Ну салца там с пудик-другой или картохи вам куль отсыпем, – после чего потребовал, чтобы парень записал название деревни, и не отходил, пока не убедился, что всё прописано верно.

Волковы только посмеивались: цифровой камуфляж был определён покупателями как брак при покраске, так что оба костюма ушли всего-то за семь рублей. Но когда они уже покинули торговую площадь, направляясь в центр города, старший Всеволод вдруг приостановился и с досадой хлопнул себя по ляжке:

– Вот чёрт! Опять мы с тобой прокололись, Севка! Надо ж было липучки спороть.

– Да ладно, бать, – махнул рукой сын. – Если ты их патентовать надумал, то на моих берцах ещё есть. И на рюкзаке. А если думаешь, что прокололись, – фигня! Можно подумать, что этот пейзажник знает о патентах и ведёт учёт всех последних изобретений.

Отец только головой покачал: видно, эти слова не слишком его успокоили. Но вскоре он отбросил все посторонние мысли: они шли продавать свои наручные часы. Не наследство покойного шпиона, что сейчас тикало на руке младшего Всеволода, а те, что попали с ними вместе из будущего. Так что теперь Волковы шагали по проспекту Ленина и внимательно приглядывались: нет ли где ювелирного магазина или мастерской?

Искать пришлось долго. Хорошо, что хоть разобранные ружья они ещё за обедом исхитрились упаковать в заплечные мешки, а то попробуй объяснись с рабоче-крестьянской милицией: чего это пара каких-то непонятных людей с оружием (пусть и в чехлах) по улицам туда-сюда шастает?

Младший Волков порывался расспросить прохожих, но отец остановил его, объяснив, что ювелирные магазины, да и ювелирные изделия вообще, здесь и сейчас – признак нэпманов. И на последних они в одежде стиля милитари совсем непохожи. А это, в свою очередь, вызовет вполне закономерные подозрения и совершенно ненужные расспросы. Пришлось продолжить поиски самостоятельно.

Проспект прошли из конца в конец, снова повернули назад, и лишь тогда Волков-старший указал сыну на неприметную вывеску «Скупка».

Вход в пресловутую «Скупку» оказался ещё и со двора, и пришельцам из будущего пришлось основательно попотеть, чтобы отыскать проход туда, за красивые фасады центральной улицы.

Тяжёлая дверь, натужно скрипнув, пропустила Волковых внутрь. В помещении никого не было, лишь в глубине за невысокой деревянной стойкой сидел маленький лысый человечек неопределённого возраста. Он поднял голову, чуть прищурился и спросил неожиданно сильным и звучным голосом:

– Что вам угодно, граждане?

– Наручные часы, – небрежно бросил старший Всеволод, выходя вперёд.

Казалось, приёмщик остался совершенно равнодушен к такому вопросу, но Волков-отец заметил острый, брошенный исподлобья взгляд, которым лысый человечек быстро оглядел обоих, мгновенно заметив и вовсе недешёвую одежду, и уверенную манеру держаться, и независимый тон, которым задан вопрос. Чуть помедлив, он спросил:

– Сдать интересуетесь или же, наоборот, приобрести?

– Приобрести, – кивнул головой Волков-старший. – Что можете предложить, уважаемый?

Приёмщик ещё раз окинул обоих быстрым взглядом, потом нырнул куда-то под стойку, чем-то там пошуршал, что-то подвигал и выложил большие круглые часы на широком ремешке.

– «Лонжин». Тридцать пять червонцев, – сообщил он, глядя куда-то в сторону. – Отличный ход. Берите, граждане, не пожалеете.

Услышав такую цену, младший Всеволод чуть не ахнул. Триста пятьдесят рублей! Это же... Это же... Отец говорил, что у многих тут зарплата – сорок-пятьдесят рублей. В месяц! А тут – часы! И добро бы ещё – золотые, а так ведь видно, что простая сталь. Вон внизу чуть-чуть ржавчина.

Отец тем временем взял часы в руки и принялся их придирчиво рассматривать. Попросил приёмщика отодвинуть штору, чтобы света было побольше, спросил, на сколько хватит завода.

– Сбавить бы, – произнёс он наконец. – Урежьте осетра, уважаемый.

Лысый человечек вздохнул, собрался, видимо, что-то сказать, но потом раздумал и отрицательно качнул головой:

– Никак нельзя. Цена последняя.

– Ну нельзя так нельзя, – неожиданно легко согласился старший Всеволод. – Вот только, уважаемый, если этот монстр тянет на триста пятьдесят рублей, то вот этим, – он положил на стойку свои тонкие кварцевые часы в керамическом корпусе, на воронёном браслете, – этим вот цена ну никак не может быть меньше семидесяти червонцев. Что скажете, уважаемый?

Приёмщик молчал, заворожённо глядя на часы. Внезапно он резко схватил их и метнулся к окну. На глазу у него оказался неизвестно откуда взявшийся монокуляр часовщика, и он принялся вертеть и разглядывать часы, подставляя их к свету то одним, то другим боком.

– Шестьсот, – проскрипел он севшим голосом.

– Шестьсот девяносто, – спокойно сообщил отец.

Торг быстро дошёл до шестисот пятидесяти рублей и тут Волков-старший усмехнулся:

– Ладно, любезный, так уж и быть. Шестьсот пятьдесят. Сделаем вам скидку, с учётом оптовой покупки... Мелкий, давай.

И младший Волков положил на стойку японский водонепроницаемый хронометр – отцовский подарок «на дембель».

Лицо приёмщика пошло пятнами. Он снова долго рассматривал часы, заворожённо следя за бегом секундной стрелки, потом издал какой-то горловой звук и принялся выкладывать на стойку деньги. Десять бумажек по десять червонцев и столько же – по три червонца. Волков-старший аккуратно пересчитал деньги, разделил их поровну между собой и сыном, после чего невольные путешественники в прошлое откланялись.

– Классно ты его развёл, папаны, – заметил сын, когда они отошли от скупки, – как последнего лоха.

– Почему «развёл»? – удивился старший Всеволод. – С чего такой поклёп, товарищ сержант?

– Н-но... Ты ж его на деньги так лихо поднял... И... – тут младший Всеволод окончательно смешался под ироничным взглядом отца и совершенно нелогично закончил: – Вот!

Старший несколько секунд подождал продолжения, а потом усмехнулся:

– Удивительно богатая, изобилующая метафорами и красивыми сравнениями речь. Смотрю, ты у нас оратор... – он снова усмехнулся: – Сын, ты ещё не понял, что наручные часы здесь – вещь статусная. Очень и очень. А потому и стоят они, ну если не как чугунный мост, то весьма близко. Учти: в Советской России часы ещё даже и не производят. А когда начнут производить, то сперва карманные. И в продажу они не попадут: их будут распределять среди железнодорожников и командиров Красной Армии, – старший Всеволод почесал нос. – Возможно, здесь, за счёт Японии, ситуация с часами чуть лучше, но ненамного. Так что цену мы за наши часы взяли вполне честную, и гаврик этот на нас ещё и наварится... – тут он вдруг рассмеялся: – Интересно, что скажут часовщики, когда года через два-три к ним наши часы принесут в починку?

Младший Всеволод только тут сообразил, что именно произойдёт через два-три года. Батарейка кончится. И когда часовщик откроет часы, чтобы посмотреть, в чём дело...

– Глаза будут как три рубля, – расхохотался он. – Они ж клиентам скажут, что эти часы не могут ходить. В принципе! Механизма-то нет!

– Механизм есть, – засмеялся вместе с ним отец. – А вот пружину – пружину они будут долго искать!

Волков-младший словно наяву увидел часовщика, почему-то похожего на киношного Остапа Бендера, который строго вопрошает: «Грустно, девицы. Шутки шутить надо мной задумали? Ты куда пружину дел, лишенец?!» – и засмеялся ещё громче.

Так, беседуя, они свернули в проулок – сократить путь к пристани. Здесь было тихо и безлюдно. И тут вдруг младший Всеволод почувствовал лёгкий толчок в спину. Что-то это ему напоминает... Позвольте, да ведь точно так же его пытались обокрасть в метро рядом с институтом! Резко бросив руку вниз, он перехватил чужую кисть...

* * *

Чиж, несмотря на свой совсем ещё невеликий возраст – всего-то пятнадцатилетие на Троицу справил! – шигач вполне опытный, «тонкая проволока», почти аристократ. Вот уже третий год, как он удачно подписался под втыковую масть – шайку, работающую на волжских пароходах.

Сам Чиж, подкладчик Грех, мурка Любка и симпатичная вихря Настасья, которая была ещё и знатной вольтыжницей, обычно изображали из себя семейство среднего достатка, а ещё трое вихеров – Шпыня, Вол и Гнат, что пасли поляну и били понты, – фраеров лопоухих, из каких-нибудь мелких совслужащих.

На пароходах работать хорошо. Разомлевшие от скуки да от буфетной водки штымпы сами лопатники да сумки раскидывали. А уж в толпе у трапа по прибытию на пристань – рай! Чистый рай! Но и на берегу работаете неплохо. Вон, взять хотя бы эту парочку. У молодого видно: карман деньги оттопыривают, даром что шкары на нем – галифе. Ишь, фраер ушастый: папашу слушает – рот только не разинул! Ну так и сейчас...

Рука привычно скользнула в чужой карман, но тут...

* * *

...Всеволод-младший сильно прижал чужую ладонь к своему бедру и резко повернулся. Раздался негромкий хруст, и только потом – дикий крик.

На земле сидел парнишка лет пятнадцати, держась за сломанную кисть. И тут же словно из-под земли вынырнули двое. Крепкие такие мужички, смотрят нехорошо.

– Это что ж тут делается? – спросил один из подошедших. – Дитё покалечил?

– Этому дитю в тюрьме давно прогулы ставят, – напрягся парень. – Лучше милиционера позовите: карманника поймал.

– Прямо так и поймал? – осклабился второй подошедший. И тут же ударил Всеволода в лицо. Вернее, попытался ударить.

Младший Волков легко качнулся в сторону, крутнулся на пятке и ударил каблуком пролетавшего мимо нападавшего в крестец. Тот нелепо взмахнул руками, словно пытался удержаться за воздух, и налетел на услужливо подставленный Волковым-старшим кулак. Глухо булькнул и растаявшим пломбиром оплыл наземь.

Второй сообщник махнул рукой, и в ней коротко блеснуло узкое лезвие. А сзади раздался топот: к ним бежал ещё какой-то мужик с широким злым лицом.

– Сын, твой – тот, – ткнул рукой отец. И уже обладателю ножа: – Брось железо, козёл. Руки вырву.

Тот, щеря плохие зубы, попытался покрутить нож в руке. В этот же самый момент Всеволод-младший прыжком сократил дистанцию с третьим противником и нанёс прямой удар в печень, одновременно уходя влево.

Оппонент оказался крепким: удар не сбил его с атаки, и он попытался достать парня настоящим боксёрским хуком. «Во как! – поразился младший Волков. – Это ж надо: на доисторического боксёра нарвался!»

Уголовник со стажем по кличке Шпыня действительно был знаком с боксом и даже как-то выступал, а потому слыл крутым бойцом. Вполне заслуженно... для двадцать девятого года. Вот только сержант Волков полгода тому назад взял первенство части по рукопашному бою. Совсем в другое время, с совсем другими требованиями. И Шпыня, на свою беду, об этом не догадывался.

Удар ребром стопы выбил Шпыне колено, и тут же жёсткая ладонь сломала кадык. Всеволод-младший поспешил повернуться: вдруг помощь нужна? «Всё-таки бате уже за сорок, – промелькнуло у него. – А ну как...» Но никакого «ну как» не произошло: младший Волков только и успел заметить выпавший из вывернутой руки нож, а противник отца уже дёргался и хрипел в неразрывном захвате. Волков-старший чуть напряг руку, и у бандита глаза на лоб полезли.

– И что это было? – спросил старший Всеволод так спокойно, словно сидел за столом в кабинете. – Чего за гнилой наезд? Ну?

– Папань, он же говорить не может. Ты ж его сейчас задушишь.

– М-да? – приподнял бровь старший Волков. – Ну значит судьба у него такая.

– Бать, отпусти ты этого урлоида...

Теперь Волков-младший волновался уже совсем по другой причине. Обычно тихий и спокойный отец не зря числился в нескольких странах военным преступником и к врагам, особенно к таким вот шакалам, относился безо всякого почтения. Неизвестно даже, считали ли он их вообще за людей или числил в разряде мелких вредителей, наравне с клопами и тараканами.

– Ладно, урочье племя, – Всеволод-старший разжал руки и одновременно наладил свою жертву здоровенным пинком в «задний фасад». – Те, кто меня слышит, запомните, и передайте остальным: если я ваши бакланьи хари хоть раз до отъезда увижу – окалечу! Вопросы, пожелания есть? Если есть, заткнули их себе в хайло и дёрнули отсюда мелкой рысью! Пошли, сын.

* * *

Билеты у Волковых были на пароход «Яхонт», шедший вниз по Волге. Увидев это странное заднеколесное судёнышко, отец и сын остановились, с минуту разглядывали несуразное плавсредство, а потом, переглянувшись, пропели дуэтом:

Америка России подарила пароход.
С носу пар. Колеса сзади.
И ужасно, и ужасно,
И ужасно тихий ход!

Но оказалось, что никакая Америка никакой России «Яхонт» не дарила, а построили его на заводе Крюкова в Молитовке в далёком одиннадцатом году. Эту информацию довёл до них добродушный пожилой рыжий и веснушчатый мужик в тельняшке, стоявший у трапа. Уже в каюте сын поинтересовался:

– Папань, Молитовка – это где?

Отец, завалившийся было на койку, ответил, что Молитовка – деревня рядом с Нижним Новгородом. Но недолго ей осталось: в середине тридцатых она войдёт в состав Ленинского района города Горький. А знает он это потому, что когда-то там жила родня его матери – бабушки младшего Всеволода.

– А вот что там за завод был – понятия не имею, – добавил он. Встал и потянулся. – Пойдём-ка лучше на палубе посидим, воздухом подышим, на пейзажи полюбуемся. Да и покурить бы, а то в нашей каюте... – и вместо окончания фразы Волков-старший просто обвёл рукой крохотное помещение.

На палубе опять былолюдно. Отец и сын расположились на длинной дощатой скамейке. Волков-старший достал серебряный портсигар с тремя богатырями на крышке, подаренный ему ещё его дедом. Портсигар был старинным... ну то есть по меркам их времени, так как сделали его ещё в середине двадцатого века. Но и здесь он смотрелся вполне достойно.

Они закурили, бездумно разглядывая проплывающие берега, как вдруг старший Всеволод насторожился. Младший поискал взглядом источник отцовского беспокойства и вскоре нашёл. Плотный человек в полотняном костюме, энергично рубя воздух рукой, обращался к своему седому и длинноусому соседу:

– И если мы поднимем температуру, то производительность куба вырастет, по нашим расчётам, на целых двенадцать процентов!

Длинноусый пожевал губами:

– На двенадцать, это вы, батенька, уж чересчур. Даже если на семь поднимите – превосходно. Но встаёт единственный вопрос: как вы собираетесь оправдать требование на увеличенный расход нефтяного топлива? Ведь оправдывать-то надо будет не мне, а Наркомату...

– Почему же не оправдаем?! – горячился плотный. – Если три стопудовика начнут давать по сто двенадцать пудов, разве это не оправдывает увеличение расхода пара?

Седоусый задумчиво покачал головой. Видно было, что он ищет достойный ответ, но тот как-то всё не находится.

– Дополнительный котёл ставить будете? – спокойно поинтересовался Волков-старший. – Если нет, то ждите одного из двух: или трубки порвёт, или развалится и из решётки вырвет.

– Что?! – хором переспросили плотный и седоусый.

Всеволод-старший принялся объяснять скучным тоном университетского профессора. Оба незнакомца слушали его, потом седоусый запротестовал, вытащил из кармана записную книжку и принялся что-то там черкать и высчитывать. Всеволод-младший сидел и наблюдал, как отец, заглянув в расчёты, усмехнулся и предложил считать по-другому. Потом заговорили все трое разом, и эта словесная перепалка очень скоро стала напоминать ему дагестанский мат. Только тот был понятен хотя бы интуитивно, а здесь даже два курса института не могли помочь разобраться в нагромождении «паропроизводительностей», «дефлегматизаций паров», «парциальных давлений», «температур разложения» и тому подобного. После пошло что-то уж и

вовсе невообразимое. Старший Всеволод встал, прошёлся перед оппонентами и поинтересовался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.